

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

КИТАЙ И СОСЕДИ

В НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1982

ЗАХВАТ ЦИНСКИМ КИТАЕМ ДЖУНГАРИИ И ВОСТОЧНОГО ТУРКЕСТАНА. БОРЬБА ПРОТИВ ЗАВОЕВАТЕЛЕЙ

Цинская экспансия в Джунгарию и Восточный Туркестан в середине XVIII в. оценивается отдельными современными китайскими историками как прогрессивное явление, якобы направленное на обеспечение «целостности» территории Китая. При этом они ссылаются на то, что поскольку в 60-х годах до н. э. и в VII в. н. э. китайские войска некоторое время находились в так называемом Западном крае (Сиюй, территория современного Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР), то эти земли должны считаться китайскими¹. Руководствуясь таким «методом», китайские авторы объявляют завоевание Джунгарии и Восточного Туркестана Цинами «внутригосударственным делом», имевшим-де целью воссоединение Китая с утраченными им ранее исконными китайскими землями. Группа китайских историков, укрывшихся под псевдонимом Ши Юйсинь (Историк, обновляющий вселенную), писала: «В 1755 г. Цинская империя усмирила мятеж в Джунгарии. Это было внутренним делом Китая, а вовсе не завоеванием одного государства другим»². Извращая историю, они обвинили жертву китайской агрессии — ойратов — в захвате китайских земель. «В 1677 г., — утверждают они, — глава джунгарских ойрато-монголов Галдан, объявив себя ханом, отторгнул Джунгарию от Китая»³.

Применяя тот же «метод», некоторые современные китайские историки объявляют суверенное государство народов Восточного Туркестана — Яркендское ханство — «незаконным», а его борьбу против маньчжуро-китайской агрессии — мятежом, направленным на «расчленение территории Китая». Современный китайский историк Сяо Чжисин, например, писал: «В марте 22-го года правления императора Цяньлуна (1757 г.) они (ходжа Бурхан уд-дин и Хан-ходжа — правители Яркендского ханства в 1757—1759 гг. — А. Х.) подняли бунт. Это их преступление было направлено на расчленение родины (Китая. — А. Х.)»⁴.

Извращая историю борьбы народов против маньчжуро-китайской экспансии в Джунгарию и Восточный Туркестан, китайские историки утверждают, что население этих районов якобы

поддерживало «правое дело» цинского правительства. «Братья ходжа Бурхан уд-дин (Болониду) и Хан-ходжа (Хоцычжань) подняли бунт. Их действия встретили сильное сопротивление всех народов... И не только решительное сопротивление широких масс уйгурского народа, но и большинства верхов уйгурских феодалов», — заявляет тот же Сяо Чжисин⁵, искажая реальную действительность.

Суть подобных высказываний историков КНР ничем не отличается от содержания официальных китайских хроник XVIII—XIX вв. Правящие феодальные круги старого Китая обычно называли своих классовых противников «бунтовщиками», «ворами», «изменниками» или «злыми людьми», а отдельных отщепенцев, предавших интересы своего народа и перешедших на сторону маньчжуро-китайских завоевателей, «добрыми людьми».

Китайские историки пользуются сегодня этими же терминами в том же значении, в каком они понимались правящими классами старого Китая, и без какой-либо критической оценки приводят в своих работах такого рода «свидетельства» придворных цинских историков для «обоснования» своих заключений. Историческая действительность убедительно показывает полную несостоятельность этих историков.

В XVIII в. до начала маньчжуро-китайской агрессии на территории современного Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР существовали два суверенных государства: Восточнотуркестанское со столицей в Яркенде (иначе Яркендское ханство) и Джунгарское (Ойратское) с центром в Или.

Восточнотуркестанское государство возникло в первой половине XIV в. Одним из видных его правителей был султан Саидхан (1514—1533) — отдаленный потомок сына Чингисхана Джэгатая. Восточная часть этого государства, Комульская (Хамийская) область, граничила с минским Китаем. Во главе этого государства находились джагатайские ханы, большую роль играло мусульманское духовенство, возглавляемое семейством ходжей, делившимся на две враждующие группы: каратаглыки (черногорцы) и актаглыки (белогорцы)⁶.

Усиление социально-политических и экономических позиций ходжей в стране, растущая популярность их с середины XVI в. среди уйгурского населения и правящих кругов Восточного Туркестана позволили им активно вмешиваться в междоусобную борьбу джагатайских ханов и претендовать на ханский престол. Вмешательство духовенства в междоусобную борьбу местных феодальных правителей еще больше осложнило ее.

Непрекращающаяся внутривнутриполитическая борьба в Яркендском ханстве привела к ослаблению централизованной власти и препятствовала созданию единого фронта для борьбы с соседним Джунгарским ханством, а затем и с цинским Китаем. В ходе феодальных и религиозных междоусобиц усиливались местни-

ческие тенденции у правителей отдельных городов и областей Яркендского ханства.

В 1635 г. в результате объединения ойратских улусов, существовавших в то время в Джунгарии и Западной Монголии, возникло Джунгарское ханство. Оно отличалось сильной централизованной властью. В период наивысшего расцвета его восточная граница доходила до земель халхаских монголов, а юго-восточная — до северо-западной части Китая. Джунгарское ханство, стремясь расширить сферу своего влияния, обратило внимание на Восточный Туркестан, где в 1691—1692 гг. власть перешла в руки ходжи Аппака (официально ханом Яркендского государства был объявлен его сын ходжа Яхъя, принявший титул Хан-ходжа) ⁷.

В 1644 г. Китай, в котором с 1368 г. правила феодальная династия Мин, подвергся вторжению войск раннефеодального государства маньчжуров, окончательно сложившегося в 30—40-е годы XVII в. на территории современной Южной Маньчжурии ⁸. К концу XVII в. маньчжурская династия Цин распространила свою власть на все провинции Минской империи.

Джунгарское ханство правители цинского Китая считали своим серьезным соперником. Ойратский хан стремился к объединению всех монгольских родов и племен ⁹ и к воссозданию единой монгольской империи на территории Джунгарии, современной Монгольской Народной Республики и Внутренней Монголии. Он также стремился к заключению военно-политического союза с Тибетом, в столице которого Лхасе находился центр ламаистской церкви. Цинское правительство опасалось объединения всех монголов, оно делало все возможное, чтобы воспрепятствовать этому. Маньчжурские императоры помнили о том, что с 1280 по 1368 г. монгольские феодалы правили Китаем, и опасались возможных притязаний ойратов на китайский престол. После утверждения в Китае «маньчжурская феодальная верхушка вступила в прочный союз с китайским феодальным господствующим классом и приняла многие из его методов управления, в том числе и традиционную догму об извечном превосходстве своей империи над всеми странами» ¹⁰. Цинские императоры относились к соседним народам, в том числе ойратам и восточнотуркестанцам, с позиции традиционной китайской феодальной концепции, согласно которой Китай считался центром Поднебесной, окружавшие его народы — вассалами Китая, китайский император — Сыном Неба, управляющим Поднебесной по воле бога и имеющим права сюзеренитета над остальными народами.

Основатель маньчжурского государства Нурхаци говорил: «Небо и земля, видя величайшую бескорыстность моих стремлений, побуждают все государства переходить под [мою] власть» ¹¹. Его преемники, как и прежние китайские императоры, считали себя избранными Неба, которым поручено управ-

ление Поднебесной. Агрессивную политику в отношении соседних народов цинские императоры рассматривали как миссию, завещанную еще Нурхаи.

До середины 90-х годов XVII в. цинское правительство не имело возможности предпринимать активных военных действий против Джунгарского ханства. И только потопив в крови антиманьчжурское движение китайского народа и упрочив свои позиции в Китае, Цины одновременно с выступлением против русских поселений на Амуре начали проводить агрессивную политику в Центральной Азии.

Цинская империя, мобилизовав многочисленную армию, начала войну против ойратского правителя Галдана (1671—1697), закончившуюся поражением Галдана и захватом Цинами части восточных владений Джунгарского ханства¹².

В 1697 г., после смерти Галдана, власть в ойратском государстве перешла в руки Цеван-Рабдана, которому в течение более десятилетия пришлось бороться с соперниками за упрочение своих позиций в стране. Пользуясь этим, цинское правительство безуспешно пыталось разными путями принудить ойратского хана признать сюзеренитет Цинской империи. В то же время цинский Китай стремился распространить свое влияние на Комульскую область¹³ Яркендского ханства, правитель которой пользовался значительной самостоятельностью от яркендского хана и выступал против ойратов.

Согласно данным китайских источников, в 1696 г. комульский правитель Убайдуллахан отправил к цинскому двору своего посланника, который прибыл в Пекин в сопровождении торгового каравана. В качестве дара цинскому императору были посланы верблюды, кони, ножи и мечи местного производства¹⁴. В следующем году он захватил в плен сына Галдана Супургибека (Сэбутэнбалэ) и отправил его в Пекин в сопровождении своего сына Гафур-бека (Гопа-бека). Оба посольства Убайдуллахана были восприняты цинским двором как знак добровольного признания им власти цинского императора, хотя у комульского правителя отнюдь не было такого намерения: он рассчитывал получить от Цинов помощь для борьбы против Джунгарского ханства. В 1697 г. цинский двор послал Убайдуллахану ответные подарки. В то же время по старой традиции феодального Китая Цины присвоили ему титулы дзасака первой степени и тархана¹⁵, пожаловали печать, красный бунчук и отдачи серебром¹⁶.

Цинское правительство, однако, оставило сына Убайдуллахана вместе с сопровождавшими его людьми (около 100 человек) в Сучжоу (пров. Ганьсу), пожаловало ему титул бека второй степени и назначило его помощником цинского военачальника в этом городе. В Сучжоу были назначены на различные должности еще 15 видных комульских чиновников Убайдуллахана¹⁷. Внешне все это выглядело так, словно цинское прави-

тельство оказало честь комульскому правителю, но, по существу, сын и люди Убайдуллахана были оставлены в Китае в качестве заложников.

В 1696 г. Убайдуллахан обратился к цинскому фудутуну (заместитель командующего) — Ананьда, начальнику цзяюйгуаньской пограничной заставы в западной части пров. Ганьсу, за помощью против ойратов. Генерал Ананьда просил санкции цинского двора на вступление с войсками в Комул, однако в 1698 г. цинское правительство послало лишь своего представителя в Комул, чтобы там на месте сформировать военный отряд¹⁸.

В 1700 г. Цеван-Рабдан предпринял ряд военных походов в Турфанскую область, находившуюся в это время под властью комульского правителя, требуя от Убайдуллахана возвращения сына Галдана. Получив отказ, ойраты разграбили Турфанскую область¹⁹. В 1712 г. Цеван-Рабдан, значительно укрепив свои позиции в стране, усилил борьбу против восточнотуркестанских правителей, стремясь установить над ними контроль.

В дореволюционной русской, а также в советской и зарубежной литературе существует мнение, согласно которому Восточный Туркестан попал в зависимость от Джунгарского ханства еще в 1678—1680 гг. и платил ему ежегодно 100 тыс. танга в качестве дани²⁰. Однако, по другим данным, Яркендское ханство окончательно попало в зависимость от Джунгарского ханства только в 1713 г., т. е. с момента назначения одного из сыновей Галдана правителем Яркенда, где он находился у власти до 1720 г. Трудность управления Яркендским ханством в связи с усилением здесь движения против ойратского господства заставила джунгарского хана пойти на соглашение с восточнотуркестанскими ходжами. Он передал управление Восточным Туркестаном семейству черногорских ходжей, которые ежегодно платили ему дань.

После установления контроля над Яркендским ханством джунгарский хан активизировал военные действия против цинских войск на юго-восточных границах Джунгарии. В 1715 г. Цеван-Рабдан отправил в Комул 2-тысячную армию. По данным китайских источников, здесь в это время помимо местной армии правителя Комула находилось еще около 200 цинских солдат²¹. Военные действия армии Цеван-Рабдана завершились полным подчинением Комула власти ойратов и уничтожением цинского гарнизона. В ответ цинское правительство перебросило в Комульскую область войска из западных провинций Китая и попыталось укрепиться в ней с целью дальнейшего захвата Турфана.

Цинские генералы, в частности сианьский цзянцзюнь (командующий) Си Чжоу, считали, что занятие Турфана даст возможность установления цинским командованием непосредственного контакта с казахами и киргизами с целью привлечения

их к борьбе против Цеван-Рабдана. Однако цинские войска не только не смогли захватить Турфан, но им не удалось и удержаться в Комуле.

После поражения цинских войск в Комуле и Турфане придворные стали советовать императору не форсировать военные приготовления против Ойратского ханства. В китайском источнике отмечается: «В настоящее время мусульмане и монголы²² Западного края чрезвычайно ослабли. Можно без труда овладеть этим районом... Но пока этого нельзя осуществлять, так как они (восточнотуркестанцы.— А. Х.) сейчас находятся под покровительством (Джунгарского ханства.— А. Х.)»²³.

В 1717 г. один из цинских государственных деятелей признавал: «Если мы, отправив крупную армию, захватим Турфан и заставим его правителей перейти на нашу сторону и даже присоединим к территории нашего государства Комул и все ближайшие области, все равно нам не удастся сохранить эти районы в своих руках»²⁴.

Начиная со второго десятилетия XVIII в. Цеван-Рабдан, окончательно укрепив свои позиции внутри страны, начал требовать от цинского правительства возвращения ему территорий в Халхе²⁵, захваченных Цинами в 1690—1697 гг. Цинское правительство отказалось удовлетворить требования ойратского правителя. Война между Джунгарским ханством и Цинской империей стала неизбежной, и к ней стали готовиться обе стороны.

В 1717 г. Джунгарское ханство, воспользовавшись обострением внутривосточной борьбы в Тибете²⁶, подчинило его своей власти.

В 1720 г. под предлогом помощи тибетским властям в борьбе против Джунгарского ханства Цины послали в Тибет крупную армию, выступившую двумя колоннами. Одна колонна под командованием Хээрби направилась в Тибет через пров. Сычуань, другая — во главе с генералом Яньсином — через Цинхай. Цинское правительство заставило отправиться в Тибет и халхаских князей со своими отрядами. Кроме того, Цины призвали к войне против ойратов тибетских феодалов²⁷. После упорной трехлетней борьбы Цинам удалось вытеснить ойратов из Тибета.

Одновременно с наступлением на Тибет Цины послали свои войска в Восточный Туркестан. К 1720 г. комульские и турфанские правители, практически пользовавшиеся независимостью от Яркенда, были заняты междоусобной борьбой. Одна группа местных феодалов во главе с Эмин-ходжой сочла нужным воспользоваться маньжуро-китайскими войсками для достижения независимости от ойратов, другая — во главе с Ачжиз-ходжой признала сюзеренитет Джунгарского ханства²⁸ и требовала выступить против цинских войск. Цины решили воспользоваться междоусобной борьбой комульских и турфанских феодалов и

отправили туда свои войска. 13 августа 1720 г. цинские войска под командованием Алана, пройдя Комульскую область, подошли к Пичану (восточнее Турфана). Местное население оказало им сильное сопротивление. Однако оно вскоре было сломлено, так как часть местных феодалов, ориентировавшаяся на помощь Цинов в борьбе против ойратов, перешла на маньчжуро-китайскую сторону. Через неделю после захвата Пичана цинские войска заняли Турфан²⁹. Часть турфанских жителей во главе с Ачжиз-ходжой, выступавшая против Цинов, вынуждена была покинуть родной край и переселиться в Аксу и Учтурфан³⁰, чтобы избежать репрессий со стороны маньчжуро-китайских войск.

С 1721 г. правитель Джунгарского ханства Цеван-Рабдан начал ответные военные действия против Турфанской области³¹; столкновения продолжались с переменным успехом в течение нескольких лет. В 1726 г., одержав ряд побед над цинскими войсками в восточной части Джунгарии, Цеван-Рабдан потребовал от цинского правительства возвращения Турфанской и Комульской областей, а также территорий, захваченных у ойратов в период войны в Халхе³². Одновременно, пользуясь усилением антицинских настроений населения Халхи, он стремился поднять халха-монголов на борьбу за свержение цинского господства.

Цинское правительство рассчитывало оказать на Цеван-Рабдана сдерживающее дипломатическое давление с помощью России, но русское правительство, придерживаясь нейтральной позиции, отказало в содействии цинскому двору³³.

В конце 1727 г. скончался Цеван-Рабдан, и власть в Джунгарском ханстве перешла в руки его сына Галдан-Церена, который, продолжая политику отца, не отказался от намерения воссоздать всемонгольскую империю. Приход Галдан-Церена к власти, однако, сопровождался новой вспышкой междоусобной борьбы в верхах ойратского государства.

С 1729 г. цинское правительство начало стягивать к своим западным границам крупные военные силы. Через северную Халху оно отправило большую армию к Илийской долине, где находилась ставка джунгарского хана³⁴. Цинский двор рассчитывал, пользуясь обострением внутренней борьбы в связи со смертью Цеван-Рабдана, нанести по ойратам сокрушительный удар с двух сторон и полностью уничтожить ойратское государство. Однако одна из колонн цинской армии, направлявшаяся к Илийской долине, была наголову разбита ойратскими войсками вблизи г. Кобдо. После этого поражения Цины, сосредоточив свои основные силы вдоль восточной границы Джунгарского ханства, в течение четырех лет вели упорную, но безуспешную борьбу против ойратов. Ойратские войска вынудили маньчжуро-китайских захватчиков уйти из Турфанской и Баркульской областей³⁵.

Покидая Турфан, Цины увели с собой Эмин-ходжу с семьей и его людей общей численностью около 10 тыс. человек (в том числе женщины и дети)³⁶, которые были расселены в районе Гуачжоу (ныне Аньсийский уезд пров. Ганьсу). Впоследствии, после уничтожения Цинами ойратского государства, Эмин-ходжа и его люди были возвращены на родину и использованы маньчжуро-китайскими властями при подавлении антицинского движения ойратского народа под руководством Амурсаны, а также при завоевании Восточного Туркестана.

Развивая успех, Галдан-Церен продолжал военные действия в направлении Халхи. В 1730 г. при содействии местного населения ойратская армия заняла северную часть Халхи³⁷. В 1731 г. цинское правительство вновь попыталось заручиться поддержкой России, предлагая ей совместно разделить территорию Джунгарского ханства³⁸. Русское правительство вновь отказало цинскому Китаю.

В 1732 г. цинское командование, перебросив в Халху крупные военные силы, организовало новое наступление против Джунгарского ханства. Маньчжуро-китайским войскам удалось одержать ряд побед над ойратами и вытеснить их из Халхи. Однако в связи с усилением антицинского движения в самом Китае маньчжурский император не был уверен в конечном успехе кампании и был готов заключить мир с Джунгарским ханством.

Потерпев поражение в Халхе, Галдан-Церен, в свою очередь, предложил цинскому правительству заключить мир. Цинский двор охотно принял его предложение, но не спешил заключать соглашение. Мирные переговоры между Джунгарским ханством и цинским Китаем продолжались до 1739 г. За это время цинское правительство, активизируя военные действия против юго-восточной части Джунгарии, попыталось было пробиться в глубь Восточного Туркестана, но безуспешно. После этого, сконцентрировав все свои силы, маньчжуро-китайские военачальники попытались захватить Баркуль, считая, что этот район будет иметь крайне важное стратегическое значение для последующих военных действий против Джунгарского ханства. К 1735 г. цинское правительство перебросило из Собственно Китая в район Баркуля большую армию³⁹, которая предприняла ряд военных операций на границе Комульской и Баркульской областей, которые, однако, не имели успеха.

Неудачи цинских войск в Турфане и Баркуле убедили цинское правительство в невозможности захвата Восточного Туркестана, до тех пор пока в Джунгарии существует сильное государство ойратов. В 1735 г. цинский император Цяньлун (собственное имя Хун Ли), анализируя причины поражения маньчжуро-китайских войск в этих районах в 1720—1735 гг. и намечая дальнейшие меры, направленные на покорение Яркендского ханства, направил Бинбу (Военному приказу) указ, в кото-

ром говорилось: «Прежде джунгарам удавалось ежегодно посылать войска (в Восточный Туркестан.— А. Х.) и грабить мусульман, а также подчинять их своей власти только благодаря тому, что Или (Джунгария.— А. Х.) находится рядом с Мусульманским краем (Восточный Туркестан.— А. Х.). Если мы хотим осуществить такую задачу (подчинить Яркендское ханство своей власти.— А. Х.), то мы должны отправить войска через Баркуль в Мусульманский край и обеспечить их продовольствием. Иначе, несмотря на то что мусульмане будут подчинены, нам трудно будет держать свои войска на их земле»⁴⁰.

Временно отказавшись от намерения занять Баркуль, цинское правительство решило укрепиться только в Комульской области. К 1736 г. оно, сконцентрировав войска численностью более 11 тыс. человек, заняло основные ключевые пункты от ущелья Синсинся (на западе пров. Ганьсу) до Саньбао (западнее г. Комул)⁴¹. Этими действиями Цины, с одной стороны, создали плацдарм для будущих военных действий против Джунгарского ханства, а с другой — помешали ойратам установить связь с Тибетом для совместной борьбы против цинской агрессии.

В 1739 г., после безуспешных действий китайско-маньчжурских войск в Баркульской области, Цины наконец согласились заключить мирное соглашение с Джунгарским ханством. По этому соглашению границей между Цинской империей и ойратским государством считались Монгольский Алтай и оз. Убса-нор⁴². Ойраты потеряли часть своей территории на северо-востоке Джунгарского ханства.

Заключив мирное соглашение с Джунгарским ханством, Цины лишь ненадолго прекратили открытую вооруженную борьбу против него, выжидая подходящего момента для нового наступления.

В 1745 г. умер ойратский хан Галдан-Церен, оставив после себя трех сыновей. Он завещал ханский трон среднему сыну, что явилось поводом для конфликта между сыновьями, поддерживаемыми различными придворными феодальными группами. Острая внутрисполитическая борьба в верхах ойратского государства привела к тому, что в 1753 г. его правителем стал Даваци, имевший отдаленное родственное отношение к прежнему ханскому дому⁴³.

В ходе борьбы за власть Даваци получал поддержку крупного ойратского феодала Амурсаны, родовое владение которого находилось по соседству с владением Даваци в Тарбагатае. После вступления Даваци на ханский трон между ними, однако, возник конфликт, в результате которого Амурсана, потерпев поражение, бежал в пределы Цинской империи.

Цинские правящие круги, внимательно следившие за ходом событий в Джунгарии в 1745—1753 гг., не замедлили воспользоваться внутрисполитической борьбой ойратских феодалов. Ког-

да в 1750 г. начался переход недовольных Давац людей из различных слоев ойратского общества в цинский лагерь⁴⁴, цинское правительство с особым почетом принимало представителей ойратских феодалов, искавших у него поддержки для борьбы против Давац⁴⁵.

Несмотря на то что среди цинских сановников были сторонники выдвижения Амурсаны на ойратский трон в качестве вассального правителя Цинской империи, император Цяньлун решил после завоевания Джунгарии раздробить ойратов на мелкие княжества и назначить Амурсану правителем лишь одного из них⁴⁶. Но это решение держалось в тайне от Амурсаны, которому Цяньлун, обещая помочь в овладении джунгарским тронном, пожаловал титул цинвана (князя 1-й степени)⁴⁷ и назначил на должность фуцзянцзюня (заместителя командующего армией)⁴⁸. Многие другие представители ойратских феодалов, перешедших к Цинам, были назначены командующими авангардными отрядами цинской армии⁴⁹.

В марте 1755 г. Цины после тщательной подготовки направили в Джунгарию двумя колоннами 50-тысячное войско⁵⁰, до этого дислоцированное вдоль границ Китая с ойратским государством. Одна из колонн под командованием маньчжурского генерала Бань Ди двигалась из Улясутая в сторону Илийской долины, обходя Джунгарию с севера, а другая, под командованием наместника пров. Шэньси и Ганьсу Юн Чана, через Комульскую область, Баркуль и Урумчи направлялась на соединение с первой⁵¹. Заместителем Юн Чана был назначен представитель враждебных Давац ойратских феодалов Зайсан Салар.

В авангарде обеих колонн Цины послали ойратские отряды Амурсаны и Зайсан Салара численностью по 3 тыс. человек⁵². Обе колонны маньчжуро-китайской армии продвигались без особого сопротивления со стороны ойратов⁵³. Многие военачальники Давац, увидев во главе цинских войск Амурсану и Зайсан Салара, переходили на их сторону. Трудовая часть населения Джунгарии, уставшая от междоусобных распри своих феодалов, тяжесть которых лежала на плечах народа, относилась к борьбе между Давац и Амурсаной равнодушно. Для рядовых ойратов было безразлично, кто займет трон Джунгарского ханства. Никто, однако, не допускал и мысли о том, что цинское правительство, пользуясь услугами отдельных представителей ойратских феодалов, намерено уничтожить Джунгарское ханство, ликвидировать государственность ойратского народа, сложившуюся в течение веков, и посягнуть на его национальную независимость.

В июне 1755 г. северная и южная колонны цинской армии, соединившиеся в долине р. Боратала (севернее Илийской долины), направились к Илийской долине⁵⁴. В это время Давац через свое посольство, посланное в Пекин во главе со своим

сыном, сообщил о готовности признать власть цинского императора и просил правительство заключить с ним мир⁵⁵. Цинский двор, стремясь к полному уничтожению своего противника, отклонил предложение Даваца.

Тем временем авангардный отряд цинской армии, возглавляемый Амурсаной, сломив сопротивление войск Даваца, наступал на Или с запада. В горном районе Баогэдэншань (на северо-западе Или) Амурсана с помощью отряда Аюйси, военачальника Даваца, перешедшего на его сторону, во время ночного внезапного нападения на лагерь Даваца похитил армейское знамя⁵⁶. Лагерь Даваца был охвачен паникой. Сам Даваца с небольшим отрядом бежал в сторону Кашгара.

Амурсана догнал отряд Даваца 14 мая 1755 г. в районе р. Текес⁵⁷. Даваца удалось бежать, но в Учтурфане он был схвачен местным правителем Ходисом (Сабек-ходжи) и передан цинскому командованию, которое доставило его в Пекин⁵⁸.

После бегства Даваца цинские войска заняли Илийскую долину и положили конец существованию Джунгарского ханства. К концу лета 1755 г., подавив сопротивление отдельных ойратских частей, маньчжуро-китайские войска оккупировали всю Джунгарию. Цинское правительство вопреки ожиданиям Амурсаны не назначило его ойратским ханом. Он по-прежнему оставался в должности помощника командующего цинской армией в Джунгарии. В расчет Цинов не входило сохранение ойратского государства, даже в качестве зависимого от Китая.

Цины ввели в Джунгарии свою военно-административную систему. Императорским наместником — верховным правителем — в этом районе оно назначило генерала Бань Ди с резиденцией в Или (в китайских источниках цинского правителя Джунгарии часто называют илицзянцзюнь — илийский главнокомандующий). Помощником Бань Ди был назначен цаньцзань дачэнь (главный управляющий) Ао Жуньань⁵⁹. Оба они были маньчжурами⁶⁰.

В целях дальнейшего ослабления поработленного ойратского народа цинские завоеватели разделили жителей Джунгарии на четыре поселения (бу): дэрбетское, хошотское, хойтское и чоросское. Первые два поселения состояли из прежних дэрбетских и хошотских родов, а остальные — из нескольких ойратских родов. Правителей этих поселений Цины назначали только из числа сяньжэней (ойратов, добровольно перешедших на сторону Цинов)⁶¹.

Закончив проведение военно-административных мероприятий, цинское правительство возвратило основную часть своей армии из Джунгарии в Китай. Для контроля над ойратами оно оставило здесь численно небольшое войско, дислоцировав его в городах и районах, имеющих важное стратегическое значение. В частности, в Или, где находилась штаб-квартира цзянцзюня, цинским правительством был оставлен гарнизон численностью

500 человек (большинство из них были ойраты, признавшие цинскую власть)⁶².

Известный советский монголовед, автор фундаментального труда по истории Джунгарского ханства И. Я. Златкин считает, что причина возвращения основной части цинской армии из Джунгарии заключалась в больших расходах на ее содержание в этом отдаленном от Китая крае⁶³. Однако имелись и другие причины. Цины были уверены в том, что, уничтожив единовластие среди ойратов и ликвидировав их государственность, они навсегда их покорили. Цинские власти также были уверены в возможности мирного подчинения Китаю Яркендского ханства путем возведения на ханский престол желательных Цинам представителей восточнотуркестанских феодалов, поскольку ранее это ханство подчинялось не существовавшему более Ойратскому государству.

Вопреки ожиданиям цинского правительства 25 сентября 1755 г. ойратские феодалы во главе с Амурсаной подняли восстание с целью свержения цинской власти в Джунгарии и восстановления независимого ойратского государства. 28 сентября восставшие, разгромив цинский гарнизон в Или, захватили город. Цинский генерал Бань Ди и его помощник Ао Жунъань покончили жизнь самоубийством⁶⁴.

После свержения цинской власти в Или к концу 1755 г. Амурсана был провозглашен ойратским ханом⁶⁵, что знаменовало восстановление Джунгарского государства. Однако оно существовало недолго.

В марте 1756 г. цинское правительство вновь отправило в Джунгарию крупные военные силы, противостоять которым Амурсана не смог. Потерпев поражение, он бежал на территорию Казахстана. Маньчжуро-китайские завоеватели расправлялись с ойратами чрезвычайно жестоко, что вызывало сопротивление не только широкой массы трудящегося населения Джунгарии, но и большинства тех ойратских феодалов, которые еще год назад выступали на стороне Цинов. В стране развернулось широкое антицинское движение.

Император Цяньлун отдал приказ своим войскам полностью уничтожить ойратское население. Китайский гоминьдановский историк Хун Дичэнь писал: «Многие ойратские улусы, не желая подчиниться (цинским властям.— А. Х.), один за другим поднимали восстание. В гневе цинский двор приказал цзянцзюню Чжао Хуэю и другим военачальникам взять армию численностью в несколько десятков тысяч человек и, направившись в разных направлениях, разыскивать ойратов и уничтожать их»⁶⁶.

Вскоре Амурсана вернулся на родину и объединил под своим командованием разрозненные повстанческие антицинские отряды ойратов, которые весной и летом 1757 г. нанесли ряд поражений цинским завоевателям, однако не смогли одержать окончательной победы над захватчиками. Повстанческие отряды уступали

цинским войскам в военной подготовке и в вооружении. Осенью этого же года Амурсана, потерпев окончательное поражение, вынужден был бежать в пределы русских владений, где вскоре умер от оспы.

Маньчжуро-китайские завоеватели учинили поголовное истребление ойратского населения Джунгарии. Как отмечает китайский историк, «на сей раз победа была достигнута Цинами самым суровым способом, выразившимся в истреблении почти полностью населения Джунгарии. В период самого расцвета Джунгарии ее население насчитывало около 200 тыс. семей, состоящих из более чем 600 тыс. человек. После их поражения $\frac{4}{10}$ погибли от эпидемии, $\frac{3}{10}$ уничтожены, остальные спаслись бегством к казахам и в пределы России»⁶⁷. И. Я. Златкин отмечал: «От народа, численность которого в описываемое время составляла не менее 600 тыс. человек, осталось в живых 30—40 тыс. человек, спасшихся бегством в Россию»⁶⁸. Жестокость цинских завоевателей в Джунгарии отмечена также и тайваньским историком Лю Итаном: «Ойратских семей было более 200 тыс., а численность населения—более 600 тыс. Из них $\frac{4}{10}$ погибли от эпидемии, $\frac{3}{10}$ были разбиты, $\frac{2}{10}$ разбежались и около $\frac{1}{10}$ осталось в живых. Это поистине является жестокостью»⁶⁹.

Перебив в Джунгарии почти всех ее коренных жителей, цинские завоеватели начали переселять туда из Собственно Китая, Маньчжурии и Монголии маньчжуров, монголов, дунган и китайцев⁷⁰, создавать военные поселения, строить крепости и военные укрепления и располагать гарнизоны в ключевых районах. Небольшой части сохранившегося ойратского населения были предоставлены пастбища только в Тарбагатайской области.

Захватив Джунгарию, цинское правительство ввело здесь свою систему военного управления. Оно назначило цзянцзюня (маньчжура) в качестве своего наместника в этом крае с резиденцией в Или. Его помощниками были определены три цаньцзань дачэня (главные управляющие), в подчинении которых было несколько линьдуй дачэней (командующие маньчжурскими гарнизонами) и баньши дачэни (управляющие делами) и др. На сей раз цинские власти уже не привлекли ойратов в аппарат управления.

Укрепившись в Джунгарии, Цины пытались овладеть Восточным Туркестаном. Руководствуясь традиционной для китайских императоров политикой «усмирять варваров руками самих варваров» и избегая больших затрат, маньчжуро-китайские власти рсшили использовать представителей белогорских ходжей, оппозиционно настроенных по отношению к восточнотуркестанскому правителю, отказавшемуся покориться Цинам.

С 1720 до 1755 г. власть в Восточном Туркестане находилась в руках представителя черногорских ходжей Даниэль-ходжи, пользовавшегося покровительством джунгарского хана.

В целях ослабления Яркендского ханства путем его децентрализации еще ойратский правитель Галдан-Церен определил сыновей Даниэль-ходжи правителями различных городов Кашгарии. Его старший сын, Джахан-ходжа, был назначен правителем Яркенда, второй сын, Юсуф-ходжа, — Кашгара, третий сын, Аюб-ходжа, — Аксу и младший сын, Абдулла-ходжа, — Хотана. Противников семейства Даниэль-ходжи, представителей рода Аппак-ходжи, Галдан-Церен держал в Или под своим контролем.

Воспользовавшись тем, что в середине 50-х годов XVIII в. Джунгарское ханство было охвачено внутренней политической борьбой, Юсуф-ходжа, ставший к этому времени правителем всего Яркендского ханства, объявил свою независимость от Джунгарского ханства и начал усиливать свою армию. Мобилизовав население Кашгарии на борьбу против ойратского господства, он одновременно обратился за помощью к Кокандскому и Хивинскому ханствам Средней Азии. Политика Юсуф-ходжи пользовалась поддержкой не только широких масс населения Кашгарии, но и значительной части представителей правящих классов страны⁷¹. Однако смерть в конце 1754 г. помешала довести ему дело до конца⁷².

Политику Юсуф-ходжи продолжил его сын Абдулла-ходжа (Падишах-ходжа) в условиях сложной внутрисполитической борьбы между сторонниками династии черногорцев и отдельными группами уйгурских феодалов, не принадлежавших к обеим группировкам ходжей.

К моменту завоевания Джунгарии цинскими войсками в Или под надзором ойратского хана находились представители семейства белогорских ходжей братья ходжа Бурхан уд-дин и Хан-ходжа.

Цинское правительство увидело в этих двух белогорских ходжах подходящее орудие для достижения своей цели — подчинения Восточного Туркестана.

После захвата Илийской долины цинскими войсками маньчжуро-китайское командование направило ходжу Бурхан уд-дина в Кашгарию с целью организации борьбы против своего соперника, яркендского хана.

Цинский генерал Бань Ди в своем рапорте императору в Пекин писал: «Я... проверил ходжей Бурхан уд-дина (Болониду) и Хан-ходжу (Хоцзичжань)... Они действительно являются представителями кашгарских мусульман, население Яркенда и Кашгара относится к ним с почтением. Ходжи убедительно просят нас отправить их в г. Аксу, чтобы они могли, используя свой авторитет, привлечь на свою сторону население Яркенда и Кашгара. Я с моими людьми, обсудив их просьбу, приказал им отправиться в Аксу для привлечения мусульман»⁷³.

Обращаясь к цинским властям за помощью, ходжа Бурхан уд-дин и Хан-ходжа, в свою очередь, пытались воспользоваться

ими для захвата власти в Яркендском ханстве и восстановления правления белогорцев ⁷⁴.

В 1755 г. командование цинских войск в Джунгарии отправило в Кашгарию Бурхан уд-дина с войсками, состоящими из китайцев, ойратов и восточнотуркестанцев. Оно оставило его младшего брата, Хан-ходжу, заложником в Или, назначив «управляющим мусульманским населением» ⁷⁵. Однако в момент восстания Амурсаны Хан-ходжа бежал в Кашгарию.

С появлением Бурхан уд-дина в Восточном Туркестане здесь еще больше усилилась междоусобная борьба среди уйгурских феодалов, принадлежащих к двум фракциям ходжей, что привело к ослаблению обороноспособности ханства, к чему и стремилось цинское правительство.

Хотя Бурхан уд-дин вернулся в Кашгарию с незначительным войском, он, получив поддержку большей части населения этого района, особенно киргизского, сумел нанести поражение правящей династии Яркендского ханства (черногорским ходжам) и взять власть в свои руки ⁷⁶.

Переход власти в Яркендском ханстве к белогорским ходжам был объявлен цинским правительством «мирным покорением» Восточного Туркестана. Цинский император приказал своему наместнику в Джунгарии Чжао Хуэю обложить новых правителей Яркендского ханства данью.

В указе Цяньлуна Военному совету в ноябре 1756 г. говорилось: «Вчера отдано распоряжение Чжао Хуэю. В настоящее время Хан-ходжа (Хоцзичжань) прислал в Пекин посланника с искренним намерением. Если он, подчиняясь указу, вносит дань, то не следует прибегать к силе войск... Если Хан-ходжа сам пожелает сейчас встретиться с цзянцзюнем или пришлет человека в лагерь войск (цинских.— А. Х.), следует немедленно определить условия для выплаты дани. Чжао Хуэй и другие должны действовать согласно указу» ⁷⁷. Однако, взяв власть Яркендского ханства в свои руки, Бурхан уд-дин и Хан-ходжа отказались посылать своих представителей к командованию цинских войск в Джунгарии.

Чжао Хуэй, установив размер дани, которую должны были платить Цинам белогорские ходжи, не дожидаясь прибытия к нему в ставку представителей ходжей, послал в Восточный Туркестан своего эмиссара То Луньтая (Турунтая) для сбора дани. Но поездка его успеха не имела, и он вернулся обратно в Или ⁷⁸. В апреле 1757 г. илийский цзянцзюнь отправил в Кашгарию фудутуна Аминьту (Аминьдао), во главе военного отряда численностью 100 человек ⁷⁹. Местное население под руководством ходжи Бурхан уд-дина и Хан-ходжи встретило цинских сборщиков дани с оружием в руках, 2 июля Аминьту был убит, а его отряд полностью уничтожен ⁸⁰.

Цинское правительство решило сурово наказать непокорных жителей Яркендского ханства и их предводителей, объявленных

«бунтовщиками». Однако до мая 1758 г. оно не смогло послать войска в этот район, в связи с тем что они были заняты карательными операциями в Джунгарии.

Ходжа Бурхан уд-дин и Хан-ходжа стали активно готовиться к войне с маньчжуро-китайскими войсками, призвали правителей других городов Кашгарии к совместным действиям.

После того как белогорские ходжи отказались стать слепым орудием цинского правительства в осуществлении его планов в Восточном Туркестане, маньчжуро-китайские войска попытались найти себе опору среди других восточнотуркестанских феодалов в лице правителя Кучара Одуа (Авдея) и его сына Османа, Кайдамата (правителя г. Бай) и его сына Абдурахмана, а также Ходиса (бывшего правителя Учтурфана) и др.

Эта группа феодалов стремилась захватить управление Яркендским ханством в свои руки. Об их настроениях было давно известно цинским властям. Как сообщает источник, «цзянцзюнь Бань Ди согласно приказу [императора Цяньлуна] отправил [в Кашгарию] Ходиса и ходжу Бурхан уд-дина, чтобы они взяли в свои руки управление Яркендом и другими подчиненными ему городами. Но Ходис, тайно посетивший фуцзянцзюня Амурсану, просил помочь ему стать правителем Восточного Туркестана, после того как Яркенд и Кашгар будут взяты»⁸¹.

В годы правления династии черногорских ходжей указанные восточнотуркестанские феодалы боролись против нее с помощью ойратских ханов, а в период борьбы Бурхан уд-дина с черногорцами они поддерживали белогорских ходжей. Когда же правителем Яркендского ханства стал Бурхан уд-дин, эти феодалы начали искать новые силы, на которые можно было бы опереться в борьбе с белогорской фракцией ходжей, и достигли соглашения с цинскими властями Джунгарии.

К началу военного похода цинских войск в Восточный Туркестан среди местных уйгурских феодалов, оппозиционных правящей династии ходжей, наибольшей популярностью пользовался бывший хакимбек г. Учтурфана Ходис. При правлении ходжи Бурхан уд-дина он со своими сыновьями и братом занимал ключевые позиции в ряде городов Яркендского ханства. Так, сам Ходис был хакимбеком г. Хотана. Его сын Музаффар занимал такую же должность в Учтурфане, другой сын - Абдусаттар — в Аксу, Абдул-бек, брат Ходиса, был хакимбеком в г. Яркенде.

Цинское правительство ориентировалось на Ходиса, в свое время выдавшего джунгарского хана Даваца цинским властям и тем самым продемонстрировавшего свою лояльность.

Одновременно в целях ослабления Яркендского ханства цинские власти делали ставку на раздувание розни между уйгурским и киргизским населением Восточного Туркестана. После начала антицинских выступлений уйгурского населения Кашгарии под руководством ходжи Бурхан уд-дина и Хан-ходжи цин-

ские власти Джунгарии, учитывая наличие давнишних разногласий между уйгурскими и киргизскими феодалами в Восточном Туркестане, обратились к последним за поддержкой. Они сообщили киргизским родоначальникам о том, что цинский император послал свою армию в Восточный Туркестан лишь для наказания «бунтовщиков — братьев ходжей» и что он намерен поддерживать с киргизами добрососедские отношения⁸².

В обращении цинского императора Цяньлуна к восточнотуркестанским киргизским старшинам содержалась также недвусмысленная угроза: «Если у вас (киргизов.— А. Х.) нет намерения подчиниться — пусть будет по-вашему. Но вам нужно держаться на своих землях. В случае вашего появления в пределах империи⁸³ (в Джунгарии.— А. Х.) и совершения там грабежей, наша армия [вас] покарает»⁸⁴.

Цинским властям удалось достичь определенного успеха в плане изоляции кашгарских киргизов от ходжей и уйгурского населения Яркендского ханства. Киргизские феодалы Кашгарии, ставшие свидетелями маньчжуро-китайских зверств в Джунгарии, не могли не задуматься над этой угрозой цинского императора и вынуждены были искать путей для обеспечения своей безопасности. Некоторые киргизские феодальные предводители Кашгарии, пытаясь установить мирные отношения с цинским правительством, даже послали в Пекин своих представителей, однако при этом они не брали на себя никаких обязательств помогать маньчжуро-китайским властям в завоевании Кашгарии⁸⁵.

Привлечение цинскими властями отдельных киргизских феодалов Кашгарии к военным действиям⁸⁶ ослабило единство антицинских сил в Восточном Туркестане и обострило разногласия между киргизами и оседлыми жителями этого района — уйгурами.

В июне 1758 г. в соответствии с указом императора Цяньлуна после тщательной подготовки маньчжуро-китайские войска численностью до 10 тыс. человек под командованием маньчжурского генерала Яэрхашана выступили из Турфана по направлению к Кучару. Войска захватчиков сопровождал хакимбек Одуй⁸⁷, перешедший на сторону Цинов⁸⁸.

В Кучаре цинские войска встретили сильное сопротивление армии ходжи Бурхан уд-дина и Хан-ходжи. Маньчжуро-китайские завоеватели взяли город лишь после того, как армия ходжей, находясь в осадном положении более трех месяцев, исчерпала запасы продовольствия и боеприпасов и оставила Кучар⁸⁹. Вслед за Кучаром цинским войскам удалось без боя занять города Аксу и Учтурфан (30 октября 1758 г.), которые по приказу Хан-ходжи должен был оборонять Ходис со своими отрядами⁹⁰.

Наиболее сильное сопротивление цинские завоеватели встретили в Яркенде в конце 1758 и начале 1759 г. Население города

совместно с армией Хан-ходжи оказало мужественное сопротивление врагам. После трехмесячной осады города цинские войска под командованием Чжао Хуэя потерпели поражение. Им удалось избежать полного уничтожения лишь благодаря отправке части армии Хан-ходжи в Кашгар для борьбы с местными киргизами. В марте 1759 г. маньчжуро-китайские войска с боями отступили в Аксу, где стали ожидать подкрепления.

В начале лета 1759 г. завоеватели, получив свежее подкрепление, захватили окружающие Хотан районы, а затем и город⁹¹, защищавшийся армией Хан-ходжи при содействии местного населения. Летом 1759 г. цинские власти в Джунгарии, перебросив в Аксу крупные силы, довели численность своих войск до 30 тыс. человек и начали новое наступление по двум направлениям — на Кашгар, где находился ходжа Бурхан уд-дин, и на Яркенд. Летняя кампания цинских войск завершилась захватом этих городов и близлежащих районов⁹².

Разрозненные отряды восточнотуркестанцев оказывали сильное сопротивление маньчжуро-китайским войскам в горных районах Кашгарии, неоднократно нанося им поражения. К концу 1759 г., однако, их сопротивление было сломлено превосходящими силами врага. Более 12 тыс. человек попали в плен⁹³, значительная часть которых была затем казнена завоевателями. В конце этого года 12 тыс. семей жителей Восточного Туркестана во главе с Бурхан уд-дином и Хан-ходжой, не устояв перед натиском карателей, вынуждены были бежать за пределы Восточного Туркестана. Оба брата с 3 тыс. семей бежали в Бадахшан, где были хорошо встречены местным населением, а остальные 9 тыс. семей — в Коканд⁹⁴. Цинское командование потребовало от правителя Бадахшана Султан-шаха выдачи ходжей, угрожая в противном случае войной⁹⁵. По одним данным, Султан-шах убил ходжей и передал Цинам голову Хан-ходжи⁹⁶. А по другим, ходжа Бурхан уд-дин и Хан-ходжа были схвачены людьми, подосланными цинским командованием, и затем доставлены представителям цинских властей, которые отрубили им головы⁹⁷.

Маньчжуро-китайские оккупанты приступили к поискам и уничтожению всех родственников белогорских ходжей на территории Восточного Туркестана с целью ликвидации возможных претендентов на управление этим районом. Им удалось схватить и уничтожить всех членов семейства белогорских ходжей, кроме Сарымсака⁹⁸, сына Хан-ходжи, которому удалось скрыться в Бухаре⁹⁹.

Цинские завоеватели жестоко расправились не только с семейством ходжей, но и с мирным населением Кашгарии. Однако они не смогли уничтожить стремление народа к свободе и независимости. Уже весной 1760 г. жители бывшего Яркендского ханства возобновили борьбу против завоевателей. В Пекин поступали тревожные сообщения об антицинской борьбе восточно-

туркестанцев не прекращавшейся все последующее столетие¹⁰⁰.

Захватив Джунгарию и Восточный Туркестан, Цинская империя значительно продвинула на запад свои границы. Цины присоединили огромную территорию с богатыми природными ресурсами.

Цинские чиновники в Джунгарии и Восточном Туркестане разными обходными путями присваивали значительную часть доходов, получаемых цинскими властями с населения этих земель.

В китайских официальных источниках отмечается, что ежегодные расходы казны на содержание маньчжуро-китайских войск¹⁰¹ и аппарата управления в Джунгарии и Восточном Туркестане составляли 333 400 лянв серебром, а сборы с местного населения в денежном выражении — лишь 58 тыс. лянв. Пекинскому двору приходилось ежегодно выделять для покрытия дефицита 275 тыс. лянв серебром¹⁰².

Уйгурский писатель Зунун Кадири писал: «Маньчжуро-китайские чиновники приезжали в Синьцзян из Пекина с одним маленьким сундуком, а уезжали отсюда с десятками арб, груженых золотом, серебром и драгоценностями»¹⁰³.

После захвата Джунгарии и Восточного Туркестана цинское правительство внесло изменения в систему административно-политического управления завоеванного края. Оно разделило Джунгарию на три административных округа — Илийский, Урумчинский и Тарбагатайский. В состав Урумчинского округа входила вся Восточная Джунгария. Этот округ считался особо важным районом. Хотя между этим округом и западной частью Собственно Китая лежала трудно проходимая полупустыня, цинское правительство, учитывая стратегически важное значение и географическое положение Урумчинского округа, включило этот округ в состав наместничества Ганьсу — Шэньси¹⁰⁴ и установило ту же административную систему, что и в Собственно Китае. Начальником Урумчинского округа был назначен сановник в чине дутуна, а его заместителем — фудутун.

Илийский и Тарбагатайский округа вошли в состав нового военно-административного района, получившего название Синьцзян (Новое владение, Новая территория). Начальниками этих округов были назначены помощники илийского цзянцзюня — цаньцзянь дачэни. В Илийском округе была сохранена традиционная местная система бекства (как и в Восточном Туркестане), но с относительно большим ограничением прав местных феодалов.

Восточный Туркестан был разделен на множество отдельных городов: 4 больших¹⁰⁵, 4 средних¹⁰⁶ и 23 мелких города¹⁰⁷. В больших городах главные управляющие назывались баньши дачэнь (управляющий делами), в средних городах — линьдуй дачэнь (командующий гарнизоном). В распоряжении баньши дачэней и линьдуй дачэней находились гарнизоны маньчжу-

ро-китайских войск, расположенные в этих городах. Все цинские чиновники в Восточном Туркестане, в свою очередь, находились в подчинении цаньцзань дачэня, помощника илийского цзянцзюня (наместника цинского правительства в Джунгарии и Восточном Туркестане). До 1804 г. линьдуй дачэни, равно как и цзянцзюни, назначались исключительно из маньчжуров ¹⁰⁸.

Цинское правительство, упразднив местную верховную власть в Восточном Туркестане, вооруженные силы и государственный аппарат, сохранило только местные исполнительные органы в лице беков различных рангов, ограничив их права. Прежде всего была ликвидирована наследственность института бекства. Ранее на должностях беков находились родственники восточнотуркестанского хана, т. е. члены семейства ходжей. После установления цинской администрации на должность беков стали назначать представителей местных уйгурских феодалов, выступавших в прошлом против семейства ходжей. В функцию вновь назначенных беков входило лишь управление гражданскими делами мусульманского населения Восточного Туркестана, однако они не имели права выносить смертные приговоры подсудимым ¹⁰⁹. Бекам не разрешалось самостоятельно, без ведома вышестоящего цинского чиновника, выносить решение по тем или иным серьезным вопросам. Нарушители запрета строго наказывались ¹¹⁰.

В целях усиления зависимости уйгурских беков от цинской администрации и повышения их заинтересованности в службе цинское правительство выделяло им в соответствии с их рангами землю и крепостных крестьян для ее обработки. пожалованные земли не были наследственными.

Цинское правительство предоставило особую привилегию правителям Комульской и Турфанской областей. Как отмечалось выше, еще в 20—30-х годах XVII в., пытаясь выйти из-под контроля ойратского хана, эти правители искали поддержки у цинского двора, а в период маньчжуро-китайского завоевания Джунгарии и Кашгарии оказали содействие цинским войскам. Поощряя правителей этих двух областей, цинский двор признал их права на управление местным уйгурским населением и на земельную собственность, а также присвоил им цинские княжеские титулы. Тем не менее цинское правительство держало в Комуле и Турфане гарнизоны своих войск и через командующих этими войсками осуществляло повседневный контроль над уйгурскими князьями.

Цинские власти подразделили населенные пункты Восточного Туркестана на три категории в зависимости от их стратегического значения: первая — дунсычэн — включала четыре восточных города ¹¹¹, вторая — сисычэн — четыре западных города ¹¹² и третья — дунлу — поселения, расположенные на восточной дороге ¹¹³. Уйгурские феодалы района дунлу находились в более привилегированном положении, чем феодалы районов

дунсычэн и сисычэн. На бекские должности в городах последних двух частей Восточного Туркестана цинские правители часто назначали членов семей комульских и турфанских князей¹¹⁴, которым Цины доверяли.

В одном из указов императора Цяньлуна отмечалось: «Мусульмане Яркенда не очень послушные. Выбор беков для управления ими является крайне важным делом. Я полагаю целесообразным Эмин-ходжу назначить управлять Яркендом, а Юсуфа — Кашгаром. Подобным, давно известным нам людям можно доверить службу. После завершения большого дела (полного завоевания Восточного Туркестана.— А. Х.) так следует действовать»¹¹⁵.

В качестве переводчиков маньчжурских чиновников в Восточном Туркестане цинские правители использовали только выходцев из Турфана и Комула¹¹⁶.

В Джунгарии маньчжуро-китайское завоевание привело к коренному изменению этнического состава населения этого края. Прежде здесь большую часть населения составляли западные монголы — ойраты, в основном занимавшиеся скотоводством. В ходе завоевания Джунгарии они почти полностью были уничтожены¹¹⁷. После цинского завоевания большую часть населения Джунгарии составили переселенцы из Собственно Китая, Восточного Туркестана, а также из Северной и Южной Монголии. Тюркоязычное население и ойраты здесь оказались в меньшинстве: первые были сосредоточены в Илийской долине, а вторые — в Тарбагатае.

Переселенцы из Собственно Китая — китайцы и дунгане — занимались земледелием и ремесленным производством. Маньчжуры и монголы, переселенные в Джунгарию, в подавляющем большинстве занимались военной службой. В социальном отношении маньчжуры занимали высшее место, они назначались на высшие чиновничьи должности в Джунгарии. Монголы и китайцы допускались к более низким административным должностям.

Цинское завоевание также внесло определенное изменение в этнический состав населения Восточного Туркестана, однако не в такой степени, как в Джунгарии. Здесь основную массу населения по-прежнему составляли уйгуры, киргизы, узбеки и другие тюркоязычные народы, но к ним прибавились китайцы, маньчжуры, монголы из Халхи и дунгане.

Общение маньчжуров, китайцев с местным мусульманским населением как в Джунгарии, так и в Восточном Туркестане строго запрещалось¹¹⁸. Это положение нашло яркое выражение в градостроительстве этих районов. Так, если до маньчжуро-китайского завоевания в Джунгарии и Восточном Туркестане города состояли из центральной части-крепости, где жили представители привилегированных сословий, и пригородов, где размещались ремесленники, мелкие торговцы и др., то после уста-

новления цинского режима структура некоторых городов существенным образом изменилась. Урумчи, Кульджа, Комул и другие города теперь состояли из трех частей: маньчэн (маньчжурский город), ханьчэн (китайский город) и хуэйчэн (мусульманский город), большая же часть городов состояла из двух частей (ханьчэн и хуэйчэн). Как правило, маньчжурские и китайские части города были окружены высокими крепостными стенами для защиты от местного населения. Представители коренных народов Джунгарии и Восточного Туркестана не допускались в учебные заведения, созданные цинскими властями ¹¹⁹ в маньчэне и ханьчэне.

Китайский историк, характеризую политику цинского правительства в отношении народов Северо-Западного Китая, в частности Джунгарии и Восточного Туркестана, писал: «Кроме кровавой резни маньчжурские правители применяли в отношении различных народов страны также коварную политику угнетения и разжигания национальной розни, прибегли к подлому способу „править варварами руками варваров“, натравливая национальности друг на друга и вызывая у них взаимную вражду. Особенно усердствовали они в северо-западных районах, насаждая неприязнь и кровавую месть между монголами и китайцами, между монголами и дунганами, между китайцами и дунганами с целью беспрепятственного угнетения этих национальностей» ¹²⁰.

После завоевания Джунгарии и Восточного Туркестана цинские правители внесли существенное изменение и в экономическую жизнь народов этих районов. В Джунгарии возникло пять новых форм землевладения: бинтунь (военные поселения китайских солдат и иных неманьчжурских солдат), цзянтунь (поселения ссыльных), хуэйтунь (поселения уйгуров, высланных из Кашгарии), хутунь (частные поселения переселенцев из Китая) и цитунь (поселения маньчжурских солдат) ¹²¹. Цинское завоевание привело к появлению новых форм производственных отношений, усилению эксплуатации трудящихся масс. Поскольку бывшие землевладельцы Джунгарии были либо уничтожены, либо эмигрировали за границу, вся их земельная собственность перешла в распоряжение маньчжуро-китайских завоевателей.

В Восточном Туркестане после цинского завоевания производственные отношения не претерпели коренных изменений, но и здесь появились новые формы землевладения, например военные поселения; на части земель, перешедших в руки цинских завоевателей в результате конфискации собственности бывших правителей страны, феодалов и крестьян, выступавших против цинской агрессии, трудились испольщики ¹²². Значительная часть земель, конфискованных Цинами у коренного населения Восточного Туркестана, перешла в руки уйгурских беков, представителей административного аппарата цинских властей на местах.

В результате цинского завоевания в сферу экономической

жизни Джунгарии и Восточного Туркестана широко проник китайский торгово-ростовщический капитал. Это явление способствовало обезземеливанию менее состоятельной части крестьянского населения и концентрации земельной собственности в руках китайских помещиков, торговцев и ростовщиков. Этот процесс привел к дальнейшей дифференциации крестьянства, усилению его эксплуатации. Цины, как и в Собственно Китае, узаконили ростовщичество в завоеванных районах ¹²³.

Цинские власти, собирая подушный земельный налог и другие поборы с основной массы населения Джунгарии и Восточного Туркестана, часто прибегали к избиению или смертной казни в случае невыплаты налогов крестьянами ¹²⁴.

В целях контроля за финансами покоренных земель Цины заменили денежные знаки, существовавшие до их прихода, новыми медными монетами, по форме похожими на монеты, действовавшие в Собственно Китае. Чеканка этих денег производилась в Яркенде, Аксу и Или ¹²⁵. Количество выпускаемых медных монет не контролировалось ¹²⁶. Неограниченный выпуск медной монеты приводил к постоянному падению ее курса, от чего в первую очередь страдали бедные слои населения Джунгарии и Восточного Туркестана.

Цинские завоеватели, способствуя активизации деятельности китайских торговцев в Джунгарии и Восточном Туркестане, в то же время создавали и казенную торговую сеть ¹²⁷. Представители китайского торгового капитала имели право свободного передвижения во всех районах этого края, местные же торговцы этого права были лишены. Любое нарушение этого закона строго каралось. Уйгурским купцам также запрещалось проживание по соседству в одном квартале с китайскими купцами ¹²⁸.

При реализации своих товаров местным жителям запрещалось самовольно устанавливать цены на них, особенно это касалось казахов. Последние обязаны были продавать свой скот по цене, установленной цинскими властями ¹²⁹. Казахам также запрещалось покупать металлические изделия из-за опасения, что они могут быть переделаны в холодное оружие ¹³⁰.

При установлении налогов цинские правители ставили китайских торговцев в более привилегированное положение. Они облагались налогами и другими поборами в меньшем размере, чем местные купцы ¹³¹. Таким образом, торговая политика цинского правительства в Джунгарии и Восточном Туркестане была направлена на ограничение и ослабление позиций местного торгового капитала. Этим цинские завоеватели преследовали не только экономические, но и политические цели. Такая политика способствовала росту недовольства цинской администрацией со стороны местных торговцев и части местного населения, связанной с торговлей, и обострила противоречия между Цинами и коренными жителями покоренных районов.

После завоевания маньчжуро-китайскими войсками Джунга-

рии и Восточного Туркестана борьба местного населения с захватчиками не прекращалась. Наиболее крупными были антицинские восстания в Учтурфане в 1767 г., восстания под руководством ходжи Джахангира в 1822 г. и в 1825—1828 гг., восстание семи ходжей в 1847 г. и восстание под руководством Валихан Тюры в 1857 г. Борьба коренного населения Восточного Туркестана с маньчжуро-китайскими властями велась во имя восстановления национальной государственности. В этой борьбе принимали участие представители всех слоев общества.

Маньчжуро-китайская колониальная администрация Джунгарии и Восточного Туркестана видела причину антицинских выступлений лишь в отдельных недостатках и упущениях местной администрации, в общем «невежестве» коренных народов, незнании ими конфуцианских норм и обычаев беспрекословного, слепого подчинения цинскому императору. Не случайно Цины называли всех без исключения жителей этих районов «варварами», хотя делили их в своих документах на две категории — лянжэнь (добрых людей) и булянжэнь (злых людей).

Одну из причин антицинских выступлений коренного населения края Цины видели также в постоянном стремлении потомков местных ходжей, находившихся у власти до цинского завоевания, к восстановлению своего господствующего положения в стране. Поэтому маньчжуро-китайские власти не только физически уничтожили всех членов рода кашгарских ходжей, но и ежегодно посылали Кокандскому ханству деньги и чай за то, чтобы оно держало у себя оставшихся в живых потомков ходжей, нашедших приют в пределах Кокандского ханства, не допуская их проникновения в Восточный Туркестан.

В то же время Цины постоянно предпринимали суровые военно-полицейские меры для поддержания своего контроля над местными жителями и проводили политику натравливания различных национальностей друг на друга, разжигая их взаимную вражду.

В 1852—1864 гг. цинское правительство, занятое подавлением восстания тайпинов и няньцзуней в Собственно Китае, ослабило и в конечном счете утратило свой прежний строгий контроль над административным аппаратом на западных окраинах империи. Управление этими районами полностью перешло в руки местных маньчжуро-китайских чиновников, которые, пользуясь отсутствием контроля со стороны Пекина, безудержно усиливали эксплуатацию трудящихся масс и присваивали средства, предназначенные для содержания местных гарнизонов. Это обстоятельство ухудшало положение как крестьянства и городской бедноты, так и солдат, привело к резкому усилению социального неравенства и классовых противоречий и вызвало мощное антицинское восстание некитайских народов Джунгарии и Восточного Туркестана.

В 1862—1864 гг., т. е. еще до начала восстания в Кучаре,

деятельность маньчжуро-китайских властей в Джунгарии и Восточном Туркестане была направлена на то, чтобы не допустить распространения на этот край антицинского восстания, охватившего к тому времени дунганское население соседних провинций Шэньси и Ганьсу. В 1862 г. цинский император отдал приказ илийскому цзянцзюню и урумчинскому дутуну о проведении соответствующих мер для усиления контроля над коренными жителями Синьцзяна¹³². Были усилены система баоцзя (круговая порука) и полицейский надзор над мусульманской частью населения. Попавшие под подозрение жестоко наказывались.

Особые опасения властей вызывало дунганское население в Джунгарии и Восточном Туркестане. Цины подозревали дунган (многие из которых либо имели родственников в провинциях Шэньси и Ганьсу, либо сами были выходцами оттуда) в том, что они имеют связи с повстанцами, ведут антицинскую пропаганду среди местного мусульманского населения, замышляют поднять восстание и отомстить за своих близких и земляков. Цинские правители не останавливались перед такими мерами, как поголовная резня дунган, осуществлявшаяся местными властями в некоторых городах Восточного Туркестана. Так, в Кашгаре цинскими властями было вырезано около 4500 дунган из 4600, проживавших в этом городе. В Кашгаре дунгане чувствовали себя чужими и не имели близких контактов с уйгурами; поскольку многие дунгане служили в китайском гарнизоне, уйгуры недоверчиво относились к ним. Воспользовавшись этим обстоятельством, цинские администраторы Кашгара пригласили к себе предводителей дунган и заявили: «Мы, китайцы, и мусульмане-дунгане уже несколько лет вместе правим Кашгаром. Мятеж, о котором вы слышите, происходит от нас на расстоянии шестимесячной езды, поэтому нам нельзя враждовать и необходимо управлять городом в полном согласии»¹³³.

Дунгане, не сомневаясь в искренности заявления цинских властей, дали клятву не поддаваться разным слухам и сохранить единство с маньчжурами и китайцами¹³⁴. Однако через три дня после указанной встречи местные власти снова пригласили к себе именитых дунган Кашгара и заявили: «У нас имеются в отношении вас некоторые сомнения, наши высокопоставленные амбань и далой опасаются вас, поэтому сдайте ваше оружие, которое мы будем хранить в кумирне»¹³⁵.

Просьба цинских властей была выполнена. Однако через 30 дней после разоружения дунганского гарнизона цинские власти неожиданно совершили массовую резню дунган. По этому поводу в уйгурских источниках сообщается: «В одну из ночей амбань и далой неверных, посовествовавшись между собой, приняли решение сообщить всем китайским солдатам, чтобы они в 5-й день этого месяца в ночь на субботу, после того как пять раз пробьет гонг и раздастся троекратный выстрел из большой пушки, начали избиение дунган. К этому времени должны быть

наготове все китайские войска, а также все китайцы, будь они служащими или рабочими,— все в назначенный час должны начать безжалостное избиение дунган, где бы они ни находились»¹³⁶.

Решение цинских правителей было приведено в исполнение. «Как только послышался троекратный выстрел в главном ямыне (штаб-квартира кашгарского цаньцзань дачэня.— А. Х.), маньчжуры перерезали в казарме сонный дунганский гарнизон, затем, выйдя на улицу, обходили дунганские лавки и дома, вызывали дунган и убивали»¹³⁷.

Подобные меры были проведены также властями г. Карашар. Об этом свидетельствует донесение комульского баньши дачэня Вэнь Сяна. «В начале 6-й луны 13-го года правления Тунчжи (начало июня 1864 г.— А. Х.) мною получено известие о том, что дунгане, бежавшие из Карашара, распространили слухи о поголовном уничтожении дунган карашарским баньши дачэнем И Цили... Вести об этом распространились повсюду... Узнав об этом, не только дунганское население взбунтовалось, но и солдаты-дунгане стали относиться с ненавистью к командованию»¹³⁸. Избиение дунган намеревались провести и власти Яркенда¹³⁹, Чугучака¹⁴⁰, но не успели. В этих городах дунгане, разгадав планы Цинов, подняли восстание.

Поголовная резня дунган, устроенная местными цинскими властями в некоторых городах Восточного Туркестана, не только не предотвратила массовое антицинское выступление, а, наоборот, ускорила его. 4 июля 1864 г. началось восстание в Кучаре¹⁴¹. Непосредственным поводом для выступления послужили слухи о готовившемся маньчжуро-китайскими властями поголовном истреблении дунган. В кучарском восстании участвовало местное уйгурское и дунганское население под руководством Ма Луна, Ма Саньбао, Су Саньгэ, Машур-ахуна, Шамс эд-дина и др.¹⁴². В результате восстания в Кучаре образовалось независимое от Китая государство во главе с ходжой Рашид эд-дином, принявшим титул Хан-ходжи. После завершения создания государственного аппарата и армии он предпринял военные походы на юг и восток, чтобы освободить своих соотечественников от цинского господства.

15 июля 1864 г. антицинское восстание началось в г. Урумчи. Ночью дунганские солдаты напали на резиденцию командира цинского гарнизона маньчжура Ебучунъэ; во главе восставших был помощник последнего дунганин Со Хуаньчжан, которому удалось захватить оружейный склад, считавшийся одним из крупнейших arsenалов в Джунгарии и Восточном Туркестане. Одновременно с частями урумчинского дунганского гарнизона в городе подняло восстание гражданское дунганское население во главе с Давут-халифой¹⁴³. К утру их поддерживали и уйгуры города.

17 июля 1864 г. восстание вспыхнуло в г. Манасе. Со взя-

тием повстанцами г. Гучэна 6 марта 1865 г. Урумчинский край (кроме Баркуля) был освобожден от цинской администрации. Здесь образовалось самостоятельное государство, которое было названо Цинчжэн-го (Мусульманское государство). Давут-халифа был объявлен ханом (ваном), а Со Хуаньчжан — генералом и главнокомандующим войсками дунганского государства.

Ночью на 26 июля 1864 г. началось восстание в Яркенде¹⁴⁴. Непосредственным поводом его явилась попытка цинских властей ликвидировать «дурные элементы»¹⁴⁵. В восстании принимало участие уйгурское и дунганское население города во главе с муллой Хазрат-Абдурахманом. Здесь восстание, однако, не привело к созданию самостоятельного государства в связи с возникновением разногласий среди его руководителей.

Вслед за Яркендом восстание вспыхнуло в Хотане, в результате которого возникло независимое государство. Непосредственным поводом для хотанского восстания было бесчеловечное наказание цинскими властями семи хотанцев за то, что они высмеяли одного хотанского жителя, служившего у китайского чиновника¹⁴⁶. Захватив власть в городе, повстанцы избрали своим правителем главного судью Хабибулла-ходжу.

После Хотана антицинское восстание вспыхнуло в Турфане. По данным китайских источников, оно началось 17 августа 1864 г.¹⁴⁷ Турфанское восстание возглавили Махсум-хан-ходжа (один из кучарских ходжей, проживавших в этом городе), Касимджан (турфанец), Эйит-халифа-ходжа, Заит-халифа и Хаджибаки-халифа¹⁴⁸. Повстанцы, нанеся поражение цинским властям, заняли ряд районов Турфанской области.

В конце ноября 1864 г. антицинское восстание началось в Кашгаре¹⁴⁹, где цинские власти до того учинили резню дунганского населения города¹⁵⁰. Маньчжуро-китайские чиновники, не сумев подавить восстание, заперлись со своим гарнизоном в крепости (новый город) и находились в осаде до 1 сентября 1865 г. В результате восстания в Кашгаре также образовалось независимое государство во главе с местным киргизским предводителем Саддык-беком. В 1865 г. правителем этого государства был назначен Бузрук-ходжа, единственный прямой наследник старых правителей Кашгара.

2 октября 1864 г. восстание вспыхнуло в Комуле¹⁵¹, а 19 октября — в Баркуле¹⁵². Но восстание здесь потерпело поражение, так как среди населения этих районов было довольно много китайцев, маньчжуров и монголов и восстание не получило обещанную поддержку кучарских и урумчинских повстанцев.

Вслед за Комулом и Баркулем восстание вспыхнуло в Кульдже¹⁵³. Однако оно не получило широкого распространения и было подавлено маньчжуро-китайскими властями. Новое выступление мусульманского населения Кульджи произошло 9 октября 1864 г. в городах Хуэйнин и Хуэйюань¹⁵⁴. Кульджинское восстание привело к образованию самостоятельного государст-

ва, получившего название Таранчинский султанат или Илийский султанат.

Последним к антицинскому выступлению народов Джунгарии и Восточного Туркестана присоединилось население Чугучака (Тачэн); восстание здесь началось 27 января 1865 г.¹⁵⁵.

Восстание в Чугучаке не привело к созданию самостоятельного государственного объединения, как это случилось в Кучаре, Урумчи, Кашгаре, Хотане и Кульдже, так как здесь значительную часть населения составляли маньчжуры, монголы, китайцы, которые выступили на стороне цинских властей.

В последующие годы чугучакские повстанцы действовали в районах между Чугучаком, Улясутаем, Кобдо¹⁵⁶, неоднократно создавали угрозу Западной Монголии и тем самым препятствовали доставке оружия и продовольствия в Баркуль, ставший опорным пунктом цинских властей в 1864—1871 гг.

Таким образом, начавшееся в 1864 г. всеобщее антицинское движение охватило всю Джунгарию и Восточный Туркестан. Господство цинских властей было свергнуто во всех районах, кроме Баркуля и Комула.

В результате восстания в Джунгарии и Восточном Туркестане в указанный период возникли пять самостоятельных государств: Кучарское, Хотанское и Кашгарское в Восточном Туркестане, Урумчинское и Кульджинское в Джунгарии. Каждое из них стремилось к расширению территорий своих владений. Интересы экономики и необходимость сохранения независимости от Цинов содействовали объединению всех повстанцев и созданию единого государства. В 1867 г. произошло объединение Восточного Туркестана и Джунгарии на основе Кашгарского ханства. Новое государство было названо государством Йэттишар, возглавил его Якуб-бек. В 1870—1871 гг. в состав этого государства вошло Урумчинское ханство. Так была воссоздана государственность народов Джунгарии и Восточного Туркестана, уничтоженная цинскими завоевателями в середине XVIII в.¹⁵⁷.

В 1871 г. в связи с временной оккупацией части Илийского края войсками царской России Илийское государство (султанат) перестало существовать. К этому времени в состав государства Йэттишар входила вся территория современного Синьцзяна, кроме Комула и Баркуля, а также Илийского округа.

Комул и Баркуль имели важное стратегическое значение. В Комуле кончается песчаная степь-полупустыня, простирающаяся почти на 800 км на запад от Цзяюйгуаня — конечного пункта Великой китайской стены в пров. Ганьсу. Не владея Комулом и Баркулем, маньчжуро-китайским властям было бы невозможно перебросить в Джунгарию из Собственно Китая крупную армию для уничтожения государства Йэттишар.

В результате Комульская и Баркульская области в 1864—1870 гг. явились районами непрерывных военных действий меж-

ду повстанцами и маньчжуро-китайскими войсками. В Комуле, особенно в Баркуле, цинские войска оказали сильное сопротивление кучарским и урумчинским повстанцам, не дали им возможности захватить эти города.

В 1864—1870 гг. в связи с успешным развитием восстаний няньцзуней в Северном Китае, дунган в провинциях Ганьсу и Шэньси цинское правительство не смогло направить из Внутреннего Китая в Джунгарию большое карательное войско. Поэтому оно ограничивалось сохранением за собой Комульской и Баркульской областей и противодействием соединению дунганских повстанцев Урумчинского округа с восставшими дунганами провинций Ганьсу, Цинхай и Шэньси.

В 1864—1871 гг. Комул неоднократно попадал в руки повстанцев, но в связи с междоусобной борьбой ханств, образованных в результате антицинского восстания, восставшим не удалось закрепиться в этом городе. К началу 1871 г. глава государства Йэйтишар Якуб-бек, нанеся поражение дунганам, присоединил территорию Урумчинского ханства к своим владениям.

В это время в Западной Монголии и провинциях Ганьсу и Шэньси сложилась крайне неблагоприятная для Цинов ситуация. Ввиду поражения цинских войск в этих районах к концу 1870 г. Цины были вынуждены перебросить часть своей армии из Комула и Баркуля в Западную Ганьсу¹⁵⁸. Позиции цинских властей в Восточной Джунгарии значительно ослабли. Однако Якуб-бек не воспользовался этим обстоятельством. Объединив Восточный Туркестан и значительную часть Джунгарии, он, с одной стороны, усиленно готовил свою армию к войне с китайцами, вооружил ее английским оружием и увеличил ее численность, с другой — желая добиться признания независимости своих владений Цинами, пытался завязать с ними официальные сношения и обратился в Пекин с официальным письмом¹⁵⁹. Стараясь склонить цинское правительство на свою сторону, Якуб-бек не предпринимал решительных военных операций против цинских войск в Восточной Джунгарии и тем самым дал возможность Цинам сохранить за собой этот район и спокойно перебросить войска из Внутреннего Китая.

Якуб-бек считал, что его государство может существовать лишь в случае, если оно будет признано цинским правительством. Он предполагал, что прекращение военных операций в направлении Комула и Баркуля будет расценено Цинами как проявление доброжелательного отношения к ним со стороны Якуб-бека и побудит их к признанию независимости Йэйтишара. Якуб-бек не учел стратегически важного значения Восточной Джунгарии и поэтому не выбил цинские войска из Комула и Баркуля и не распространил восточную границу своих владений до горного прохода Синсинся на западе пров. Ганьсу.

Попытка Якуб-бека добиться признания Цинами государства Йэйтишар дипломатическим путем была заранее обречена

на неудачу. Цинское правительство не желало допустить существования в Восточном Туркестане даже зависимого от Китая государства. Оно тем не менее решило воспользоваться недалеконovidной политикой Якуб-бека в своих интересах. Цинский двор послал своего представителя к Якуб-беку для переговоров и в то же время отдал приказ командованию цинских войск в Восточной Джунгарии спровоцировать выступление против него дунган. 29 марта 1871 г. цинский представитель прибыл в Турфан. К этому времени Якуб-бек, однако, уже выехал из этого города в Кашгар, в связи с чем переговоры не состоялись¹⁶⁰.

Воспользовавшись пассивной политикой Якуб-бека, цинские власти стали активно провоцировать дунган на выступление против восточнотуркестанцев с целью подрыва единства повстанческих сил. В 1871 г. цинские власти послали руководителя китайского помещичьего отряда Кун Цая к руководителям дунган¹⁶¹, чтобы заключить с ними союз для совместной борьбы против Якуб-бека. Давут-халифа, отказавшись от совместных действий с Кун Цаем, встретил китайский отряд огнем. Вскоре после этого отряд Кун Цая был разбит под Манасом дунганами¹⁶². Тем не менее в июне 1872 г. один из руководителей дунган, Ма Цзиньгуй, со своим отрядом выступил против Якуб-бека, но сражение под Дабаньчэном закончилось в пользу армии Якуб-бека.

В 1871—1872 гг. цинское правительство, все еще занятое подавлением восстания мусульман в Ганьсу и Шэньси, не смогло предпринять решительных мер против государства Йэтишар. Лишь к концу 1872 г. Цинам удалось вытеснить повстанческие отряды из Тарбагатайского округа и расквартировать в этих районах почти 3-тысячную армию Жун Цюаня. В это время Якуб-бек, по-прежнему пытаясь склонить цинский двор к переговорам, строжайшим образом приказал своим войскам не выступать против цинских властей¹⁶³. В течение 1873 г. Цины, воспользовавшись бездействием Якуб-бека, заняли всю Джунгарию, кроме городов Урумчи, Санчжи, Манас, Гумуди, а также Илийской долины, где находилась русская армия. К этому времени численность цинских войск в Джунгарии доходила до 20 тыс. человек, которыми командовали Вэнь Линь, Кукэцитай и Цзин Лянь¹⁶⁴.

К осени 1873 г. цинскому правительству удалось, мобилизовав большую армию под командованием Цзо Цзунтана¹⁶⁵, подавить восстание в западных провинциях Китая. Значительная часть дунганских повстанцев под руководством Бай Яньху (Мухаммед Аюб-Бияньху — ? — 1896), прорвав кольцо окружения, отступила в Восточную Джунгарию. 28 августа армия Бай Яньху, сломив сопротивление цинских войск в районе Цзюяньцюань (восточнее г. Комула), направилась к Комулу, который был освобожден при поддержке мусульманского населения. Затем дунганские повстанцы осадили маньчжурскую крепость, где на-

ходился цинский гарнизон под командованием Вэнь Линя. Осада продолжалась до 10 октября 1873 г.¹⁶⁶. Часть дунганской армии двинулась в сторону Баркуля, на подступах которого их остановили цинские войска. В середине октября, после упорной борьбы, армия Бай Яньху, потерпев поражение, отступила в Турфан¹⁶⁷. Несколько позже, когда Бай Яньху попросил поддержки у Якуб-бека, последний дал согласие на расквартирование дунганских войск в Урумчи и Манасе¹⁶⁸. Бай Яньху предложил Якуб-беку немедленно начать войну против Цинов, но последний, по-прежнему надеясь на переговоры с Пекином, отклонил предложение дунганского руководителя и, напротив, приказал ему не вступать в военные столкновения с цинскими войсками¹⁶⁹.

В ноябре 1873 г. последний оплот дунганских повстанцев западных провинций Китая г. Сучжоу, длительное время стоявший, по словам Цзо Цзунтана, «железной стеной» перед маньчжуро-китайскими войсками, был взят карателями. После этого Цины перебросили в Джунгарию часть войск Цзо Цзунтана численностью около 30 тыс. человек, ранее находившихся в Ганьсу под командованием Эрцинъэ, Цзинь Шуня и Чжан И. В 1874 г. общая численность цинских войск в Джунгарии составляла 42 тыс. солдат, из которых 12 тыс. были расположены в Комульской области, 5 тыс. — в Баркуле и Гучэне, 25 тыс. — в Западной Джунгарии¹⁷⁰.

В сентябре 1874 г. цинское правительство приняло решение об организации карательного похода против государства Йэйтишар. Командующим походом был назначен Цзин Лянь, а его помощником — Цинь Шунь. Оба они были маньчжуры. Цзо Цзунтану цинский двор поручил лишь ведение финансовых и продовольственных дел, связанных с организацией похода против государства Якуб-бека¹⁷¹.

До принятия такого решения в правительственных кругах Пекина обсуждались два плана будущих карательных операций в Джунгарии и Восточном Туркестане: Цзин Ляня и Цзо Цзунтана. Первый предложил вести военные действия одновременно в Джунгарии (в районе, который находился в руках повстанцев, в основном дунган) и в Восточном Туркестане; Цзо Цзунтан же рекомендовал не начинать наступления в Восточном Туркестане, пока Урумчи, Манас и другие районы Джунгарии не будут захвачены правительственными войсками и не будут уничтожены дунганские отряды. Выдвигая свой план карательной операции, Цзо Цзунтан обратил внимание цинского правительства на два момента: 1) преждевременность столкновения с войсками Якуб-бека, расположенными в Турфане и на перевале Дабаньчэн, вооруженными до зубов английским оружием и обученными по-европейски; 2) нецелесообразность одновременного выступления как против дунган, так и против восточнотуркестанцев, поскольку это могло бы способствовать их

сплочению и отказу Якуб-бека от надежд на то, что цинский двор сможет вступить с ним в переговоры ¹⁷².

В ходе обсуждения этих предложений хунаньская группировка китайских феодалов старалась склонить цинское правительство к назначению командующим карательным походом против Иэйтишара своего главаря Цзо Цзунтана, который представил доклад о примерной стоимости карательного похода на Джунгарию и Восточный Туркестан. Согласно его расчетам, с 1875 г. затраты на организацию этого похода составят более 8 млн. ляннов серебром в год ¹⁷³. В своем докладе Цзо Цзунтан, подробно анализируя состояние финансов в стране и описывая порядок финансирования его войск в годы подавления восстания в западных провинциях Китая, указал цинскому правительству на необходимость получения крупного иностранного займа в сумме нескольких миллионов ляннов серебром для финансирования нового похода.

Представленный Цзо Цзунтаном проект ассигнований на карательные походы в Джунгарии и Восточном Туркестане и его предложение о получении иностранного займа вызвали противодействие со стороны главы бэйянской (северной) придворной группировки китайских феодалов — Ли Хунчжана ¹⁷⁴. Последний не хотел мириться с усилением политико-экономических позиций возглавляемой Цзо Цзунтаном хунаньской придворной клики.

Представление Цзо Цзунтаном указанного доклада совпало с отправкой Якуб-беком своего посланника в Пекин для ведения переговоров с цинским правительством. Ли Хунчжан, стремившийся противодействовать Цзо Цзунтану, выступил против завоевания Джунгарии и Восточного Туркестана. Ссылаясь на внутрисполитические и экономические трудности Китая, а также на международную обстановку, он рекомендовал цинскому правительству признать государство Иэйтишар как зависимое от Китая и тем самым избежать лишних расходов на его завоевание. Ли Хунчжан писал: «Эти районы охватывают несколько тысяч ли пустынь и плохо развиты в экономическом отношении, что вызывает излишние расходы. Кроме того, территория Синьцзяна примыкает к русским владениям, различным мусульманским странам... и Британской Индии. Эти страны (Англия и Россия.— А. Х.) с каждым годом становятся сильнее нас... Если нам и удастся с огромным трудом захватить Синьцзян, вряд ли мы сможем надолго сохранить этот район под своим контролем... Целесообразно... дать возможность главарям мусульман Кульджи, Урумчи и Кашгара создать свое государство, которое пользовалось бы нашим календарем...¹⁷⁵. Китай может избежать излишних расходов и применения силы. Пожалуй, это будет единственно верным шагом» ¹⁷⁶. Ли Хунчжан утверждал, что опасность Китаю грозит со стороны морских держав, и пытался склонить цинское правительство сосредоточить усилия на обороне морских границ ¹⁷⁷.

Цзо Цзунтан и его сторонники из хунаньской придворной группировки заявили о том, что Джунгария и Восточный Туркестан должны быть завоеваны любой ценой. Цзо Цзунтан обращал внимание цинского правительства главным образом на стратегическое значение этих районов. Он писал: «В настоящее время отказ от похода на запад ради экономии средств равносильно тому, что оставить Китай без ограды. Если мы отступим на шаг назад, то враг пройдет на десять шагов вперед, и в опасности окажется не только пров. Ганьсу, но и районы Кобдо, Улясутай и другие. Кроме того, отказ от похода на Запад ради экономии средств едва ли принесет пользу морской обороне, но в то же время причинит большой вред обороноспособности нашей западной границы»¹⁷⁸.

Цзо Цзунтан утверждал, что иностранные государства, проникая в китайские порты и портовые города в прибрежных районах, заинтересованы только в ведении выгодной торговли, в то время как на западе Китая они стремятся к захвату «китайских земель». Исходя из этого, он пытался убедить цинское правительство в том, что в восточных районах можно идти на уступки иностранным державам, предоставляя им льготные условия для торговли, в то время как на западе Китая необходимо коренным образом пресечь их «захватнические стремления», что можно обеспечить лишь покорением Джунгарии и Восточного Туркестана¹⁷⁹. Цзо Цзунтан рассматривал эти районы как объект захватнических планов России, а также Англии, которая поддерживала Якуб-бека¹⁸⁰.

Приведенная выше дискуссия при цинском дворе широко комментировалась в издававшихся в Китае английских газетах¹⁸¹. Одна английская газета в Шанхае даже утверждала, что, по всей вероятности, Китай откажется от Синьцзяна, что войска Цзо Цзунтана будут остановлены в Цзяюйгуане и возвращены обратно в Собственно Китай¹⁸².

12 января 1875 г. в разгар споров вокруг похода на запад скончался император Тунчжи (собственное имя Цзай Чунь), не оставив прямого наследника. На китайский трон был посажен трехлетний двоюродный брат покойного — Гуансюй (собственное имя Цзай Тянь). Отец нового императора, великий князь Чунь, был сторонником завоевания Джунгарии и Восточного Туркестана¹⁸³. Став регентом при малолетнем императоре, он поддержал Цзо Цзунтана и его сторонников. В апреле 1875 г. последний был назначен императором полномочным комиссаром по военным делам в Джунгарии и Восточном Туркестане при сохранении за ним его прежней должности императорского наместника провинций Шэньси и Ганьсу; его заместителем стал маньчжур Цзинь Шунь. Цзин Ляню было приказано вернуться в Пекин¹⁸⁴. Цзо Цзунтану также было дано разрешение на получение займов у иностранных банков и торговых фирм в Шанхае в необходимых размерах.

После того как план карательного похода войск Цзо Цзунтана в Джунгарию и Восточный Туркестан был одобрен цинским двором и на его осуществление были выделены соответствующие ассигнования, началась переброска на запад войск, находившихся к этому времени в северо-западных провинциях Собственно Китая, и заготовка продовольствия, боеприпасов и др. В середине марта 1876 г. сам Цзо Цзунтан переместил свою штаб-квартиру из Ланьчжоу в Сучжоу, поближе к Джунгарии и Восточному Туркестану. К середине 1876 г. он перебросил в Джунгарию около 50 тыс. солдат. Из них 23 тыс. были расположены в Восточной Джунгарии.

Правитель государства Йэйтишар Якуб-бек к этому времени только начал готовиться к войне: строить военные сооружения на южных склонах Тяньшаня, в районе Турфана, Токсуна, Дабаньчэна и других населенных пунктов, через которые проходили дороги, соединяющие Джунгарию с Восточным Туркестаном. К весне 1876 г. в этих районах Якуб-бек сосредоточил войска численностью около 30 тыс. солдат¹⁸⁵. Оборону Урумчи, Манаса и прилегающих к ним районов он поручил дунганам во главе с Бай Яньху. По данным уйгурского историка Муллы Муса Сайрами, к середине 1876 г. в Токсуне была расположена 25-тысячная армия Якуб-бека, а в Урумчи, Санчжи (Чанцзи) были дислоцированы дунганские отряды численностью свыше 10 тыс. человек под командованием Ма Жэньдэ и Бай Яньху¹⁸⁶.

В середине 1876 г. Цзо Цзунтан перебросил в Джунгарию отборную часть хунаньской армии под командованием Лю Цзиньтана и Чжан И и тем самым увеличил численность своих войск до 70 тыс. человек, что почти в два раза превышало численность войск Якуб-бека¹⁸⁷. Якуб-бек переместил свою штаб-квартиру в Турфан¹⁸⁸. Видя растущее превосходство цинских войск, он по-прежнему не оставлял надежды вступить в переговоры с Цинами.

Карательную операцию против дунган Цзо Цзунтан начал еще в феврале 1876 г., направив в Манас армию под командованием Цзинь Шуня. Однако до прибытия отборных частей хунаньской армии под командованием Лю Цзиньтана и Чжан И Цзинь Шунь не мог справиться со своей задачей, его войска потерпели здесь ряд поражений¹⁸⁹.

В начале августа 1876 г. Цзо Цзунтан, пополнив свои войска новыми силами, активизировал наступление. К этому моменту Якуб-бек перебросил часть своих войск в Урумчи и Гумуди (северо-восточнее Урумчи) на помощь дунганам. Однако соотношение сил было слишком неравным. После упорной борьбы уйгуро-дунганские отряды потерпели поражение. 18 августа Гумуди был захвачен маньчжуро-китайскими карателями, которые учинили зверскую расправу над его защитниками и мирными жителями. Об этих актах насилия рассказывает очевидец событий русский купец И. О. Каменский: «Зверству нет преде-

ла, в особенности над дунганами, считается за счастье зарезать какого-нибудь дунганина, и за каждую голову своим солдатам платят по два лана (ляна серебра. — А. Х.). Надо полагать, все дунгане весьма скоро будут истреблены до последнего, не-взирая на полнейшую их невинность и даже службу в рядах маньчжурской армии»¹⁹⁰. Всего здесь было уничтожено около 6 тыс. человек¹⁹¹. Только небольшая часть армии Якуб-бека вырвалась из окружения. Но вернувшиеся солдаты, среди которых было много раненых, были незаслуженно сурово наказаны Якуб-беком¹⁹². Это крайне отрицательно повлияло на настроение его войска.

После падения Гумуди Якуб-бек перебросил часть своей армии из Токсуна на перевал Дабаньчэн (Даванчэн), оставив тем самым без защиты Урумчи. Воспользовавшись этим обстоятельством, цинские войска без большого труда на следующий день после взятия Гумуди захватили Урумчи. Дунгане, находившиеся в городе, отступили в Даванчэн.

Наиболее сильное сопротивление цинским войскам оказали жители г. Манаса. После почти двухмесячной безрезультатной осады южной крепости города (в городе было две крепости — южная и северная) цинское командование обещало осажденным амнистию в случае добровольной сдачи города. 6 ноября 1876 г. около 3 тыс. дунган — старики, женщины и дети, гонимые голодом, вышли из крепости. Однако почти все сдавшиеся в плен были зверски убиты карателями¹⁹³. В связи со столь жестокой расправой китайских карателей с мирным населением туркестанский генерал-губернатор Кауфман официальным письмом выразил протест Цзо Цзунтану¹⁹⁴. После захвата города маньчжуро-китайскими войсками труп главы урумчинского дунганского государства Давут-халифы был выкопан и демонстративно разрублен на части¹⁹⁵. Взятием Манаса был завершен захват войсками Цзо Цзунтана Джунгарии, кроме Илийской долины. Карательный поход в Восточный Туркестан в связи с наступлением зимы был отложен до весны следующего года.

Весной 1877 г. по приказу Цзо Цзунтана армия Лю Цзиньтана двинулась из Урумчи на перевал Дабаньчэн, обороняемый 2 тыс. солдат Якуб-бека под командованием Хайдар-кули и несколькими тысячами дунган, бежавших из Урумчи. Немного раньше армия Чжан И из Комула, а войска Сюй Чжаньху из Мулэйхэ по двум направлениям двинулись на Турфан, где была сконцентрирована значительная часть войск Якуб-бека под командованием Хаким-хан Тюры.

В ночь на 18 апреля, воспользовавшись густым туманом, Лю Цзиньтан двинул свою армию к крепости Дабаньчэн, которая к утру была окружена карателями. Утром 18 апреля войска Якуб-бека, находившиеся в крепости, увидев цинские войска, стали обстреливать их¹⁹⁶.

Прибывшее к осажденным со стороны Токсуна подкрепле-

ние во главе с Хайруллою было разбито карателями в ущелье вблизи перевала Дабаньчэн. Осажденные продолжали стойко отбивать атаки карателей. 20 апреля, после трехдневных неудачных попыток штурма, войска Лю Цзиньтана начали обстреливать крепость из орудий. В пороховой склад крепости попал снаряд, склад взорвался, крепость стала гореть. Понеся большие потери в результате взрыва, войска Якуб-бека пытались вырваться из горящей крепости, но непрерывной стрельбой цинские войска не давали им возможности это сделать. К вечеру крепость была взята Лю Цзиньтаном. Все оставшиеся в крепости воины Якуб-бека были взяты в плен, в том числе начальник гарнизона Хайдар-кули и шесть военачальников.

После взятия крепости Дабаньчэн Лю Цзиньтан в целях воздействия на войска Якуб-бека и население Кашгарии освободил около 1000 пленных, выходцев из Кашгарии, снабдив их деньгами на дорогу и пропусками. При этом Лю Цзиньтан внушал, что он воюет только против андижанцев, т. е. пришельцев из Ферганы и Ташкента. Лю Цзиньтан оставил при себе Хайдар-кули и шесть военачальников, остальных пленных он отправил в Урумчи. Когда известие об освобождении Лю Цзиньтаном пленных дошло до Якуб-бека, тот, считая весьма опасной тактику Лю Цзиньтана, приказал жестоко расправиться с вернувшимися¹⁹⁷. Эти меры Якуб-бека вызвали у населения и военнослужащих глубокое возмущение и способствовали дальнейшему разложению его армии.

24 апреля 1877 г., после взятия Дабаньчэна, Лю Цзиньтан часть своей армии численностью 3 тыс. солдат направил в Турфан, а другую часть — 7 тыс. солдат — в сторону Токсуна, где находилось около 10 тыс. войск Якуб-бека под командованием его сына Хаккули-бека.

25 апреля, т. е. за день до подхода войск Лю Цзиньтана, Хаккули-бек, опасаясь быть отрезанным со стороны ущелья Субаши, отступил в Карашар, оставив в Токсуне лишь небольшую часть своей армии. Перед уходом, не имея возможности увезти с собой запасы зерна, он приказал сжечь их¹⁹⁸.

26 апреля, находясь на марше недалеко от Токсуна и узнав об уходе войск Якуб-бека, Лю Цзиньтан срочно послал в город свою пехоту, а затем и конницу, чтобы спасти запасы зерна. В тот же день Токсун был захвачен войсками Лю Цзиньтана¹⁹⁹. Опасение попасть в ловушку вынудило Лю Цзиньтана остановить дальнейшее продвижение своих войск в ожидании прибытия из Турфана армии Чжан И и Сюй Чжаньху.

19 апреля 1877 г. две другие колонны хунаньской армии под командованием Чжан И и Сюй Чжаньху, соединившись в районе Чжанцзяка, расположенного в 10 км от укрепления Чиктыма, нанесли поражение передовым частям войск Якуб-бека. В тот же день каратели захватили укрепление Чиктым, а через два дня — г. Пичан. Отступившие из Чиктыма и Пичана вой-

ска Якуб-бека, сконцентрировавшись в Люкчуне, оказали сопротивление карателям. 25 апреля в Люкчуне произошло кровопролитное сражение. Войска Якуб-бека, не устояв перед численно превосходящей силой противника, вынуждены были отступить в Турфан, на следующий день каратели подошли к Турфану. В 5 км от города наступление войск Цзо Цзунтана было остановлено армией Хаким-хан Тюры и дунганскими военными отрядами Ма Жэньдэ и Бай Яньху. Прибывшая из Дабаньчэна армия Лю Цзиньтана, нанеся поражение войскам Хаким-хан Тюры и вооруженным отрядам дунган, оттеснила их в крепость Турфан. После длительного штурма Ма Жэньдэ сдался Цинам, а Хаким-хан Тюра и Бай Яньху со своими оставшимися отрядами отступили в г. Токсун, затем в Карашар. Турфан был захвачен войсками Цзо Цзунтана²⁰⁰. В их руки попали крупные запасы зерна и боеприпасов.

С захватом Дабаньчэна, Токсуна и Турфана, по словам Цзо Цзунтана, «ворота Восточного Туркестана» были открыты его войскам. Дальнейшее продвижение маньчжуро-китайских войск в глубь Восточного Туркестана было временно приостановлено в связи с заявлением Англии о своем посредничестве в урегулировании военных столкновений в этом районе.

«Для войны,— писал Мулла Муса Сайрами,— у него (Якуб-бека) было 30 тыс. воинов и достаточное количество запасов зерна как в Турфане, так и в Токсуне. Зерно в Турфане было захвачено Цинами, а в Токсуне было сожжено»²⁰¹. Однако Якуб-бек продолжал рассчитывать на то, что ему удастся урегулировать отношения с цинским правительством путем переговоров. После назначения Цзо Цзунтана командующим карательным походом в Джунгарию и Восточный Туркестан Якуб-бек неоднократно направлял ему своих представителей с предложением заключить мирное соглашение. Цинский генерал, не отвергая предложений правителя государства Йэттишар и ссылаясь на то, что он не имеет полномочий для ведения переговоров, предложил Якуб-беку обратиться непосредственно к цинскому правительству.

В это же время Якуб-бек отправил в Лондон Саида Якуба и просил посредничества Англии в целях мирного урегулирования конфликта и предотвращения военного столкновения с войсками Цзо Цзунтана. Саид Якуб при этом сообщил английскому правительству, что Якуб-бек заранее согласен на любой статут, который цинское правительство ему предложит. Кроме того, через Д. Форсайта Якуб-бек сообщил английскому вице-королю Индии о своей готовности подчиниться цинскому правительству.

Английское правительство, приветствуя предложение Якуб-бека о переговорах с Пекином, предложило ему свои услуги в качестве посредника, стремясь противодействовать усилению позиции России в Средней Азии. Британское правительство

официально известило китайское правительство о своем посредничестве, рекомендуя Пекину положить следующие три условия в основу урегулирования вопроса о Восточном Туркестане:

«1. Признание эмиром Якуб-беком сюзеренитета Китая. Оставить эмира полностью контролировать страну, которой он сейчас управляет, но периодически посылать от его имени представителей с подарками или данью в Пекин к великому императору Китая.

2. Определение границ между Кашгарским ханством и Китаем.

3. Заключение соглашения об оказании помощи друг другу в случае необходимости»²⁰².

Предложение правительства Англии о посредничестве было с одобрением встречено Ли Хунчжаном и его сторонниками, выступавшими за переассигнование средств, затрачиваемых на поход на запад, на строительство флота и организацию обороны морских рубежей. Однако Цзо Цзунтан энергично выступил против английского предложения, подчеркивая, что оно направлено не на защиту интересов Китая, а лишь на ослабление влияния России в Средней и Центральной Азии и на укрепление позиции Англии в этих районах²⁰³. Одновременно Цзо Цзунтан обратил внимание цинского правительства на то, что вопрос о прекращении оккупации Россией Илийского края может быть разрешен только тогда, когда государство Якуб-бека будет уничтожено.

Пока в Пекине шли переговоры между представителями Англии и цинскими министрами о дальнейшей судьбе государства Йэттишар, Якуб-бек 30 мая 1877 г. был отравлен Нияз-беком, подкупленным Цзо Цзунтаном²⁰⁴.

Китайские источники утверждают, что Якуб-бек, оказавшись в безвыходном положении после своих неудач, покончил жизнь самоубийством, приняв яд²⁰⁵. Эти сведения не соответствуют действительности. Китайские источники основываются на докладных записках Цзо Цзунтана, который в корыстных целях скрыл подлинные обстоятельства смерти Якуб-бека. Сведения китайских источников не подтверждаются уйгурскими источниками. Единственная деталь, совпадающая как в китайских источниках, так и в уйгурских, это смерть Якуб-бека, наступившая от яда. В это время он нетерпеливо ожидал результатов переговоров между представителями правительств Англии и Китая и, конечно, не мог покончить жизнь самоубийством.

По данным уйгурского историка Муллы Мусы Сайрами, служившего у Якуб-бека составителем писем, приказов и других документов, еще до начала карательного похода войск Цзо Цзунтана в Джунгарию Нияз-бек послал в Ланьчжоу, где была штаб-квартира Цзо Цзунтана, своего дядю, чтобы узнать настроение цинского командования и заявить о своем желании со-

трудничать с ним. Через несколько месяцев дядя Нияз-бека вернулся к племяннику с письмом из Ланьчжоу. Прочитав письмо и побеседовав с дядей, он убил своего родственника и уничтожил также всех свидетелей этого убийства²⁰⁶. Таким образом, он обеспечил сохранность тайны своего соглашения с Цзо Цзунтаном. Нияз-бек, стремясь стать правителем Восточного Туркестана при помощи цинского командования, исподволь готовил убийство Якуб-бека. Мулла Муса Сайрами писал: «Нияз-бек не находил удобного момента для уничтожения Якуб-бека... и вот момент настал. В Курле, находясь рядом с ним, Нияз-бек подкупил одного из его слуг... Он дал ему много золотых монет и поручил приготовить чашку холодного чая с добавлением яда и подать его Якуб-беку, когда тот будет в возбужденном состоянии»²⁰⁷. В этом же источнике сообщается: «Однажды Якуб-бек, сильно рассердившись на Муллу Камал-аддина мирзу, приказал наказать его ударами палкой. Не дождавшись конца исполнения своего приговора, он начал бить сам, пока его не остановила жажда. Якуб-бек приказал принести холодный чай. Слуга тут же принес чашку холодного чая, и Якуб-бек выпил ее залпом. На самом деле он выпил не холодный чай, а напиток смерти, упал на землю и тут же скончался, все тело его посинело»²⁰⁸.

Описание смерти Якуб-бека Н. И. Веселовским по рассказу другого очевидца тоже весьма напоминает действие яда²⁰⁹.

Забегая вперед, следует отметить, что после завоевания Восточного Туркестана цинскими карателями в 1878 г. Нияз-бек получил от Цзо Цзунтана всего лишь должность хакимбека г. Яркенда. Оставшись недовольным такой скромной наградой, Нияз-бек решил выступить против цинских завоевателей. В Яркенде он создал оружейную мастерскую и стал собирать вокруг себя людей. Однако цинские власти разоблачили его и арестовали. Вскоре он покончил жизнь самоубийством²¹⁰.

Цзо Цзунтан выступал против мирного урегулирования дел в Джунгарии и Восточном Туркестане. Он писал: «Ни в коем случае нельзя допустить существование Паши (Якуб-бека.— А. Х.)»²¹¹. Убийство Якуб-бека в середине 1877 г. вполне устраивало Цзо Цзунтана. После вмешательства Англии в урегулирование дел в Восточном Туркестане наступление цинских войск в этом районе было временно приостановлено. Смерть Якуб-бека помогла Цзо Цзунтану внести раскол в среду правящих кругов государства Йэттишар, за сохранение которого выступала Англия.

После смерти Якуб-бека Восточный Туркестан распался на три части. В Кашгаре сидел сын покойного Якуб-бека Беккулибек, в Аксу — Хаким-хан Тюра и в Хотане — Нияз-бек. Вскоре между этими правителями началась междоусобная борьба, которая окончательно подорвала единство антицинских сил. «Успеху китайцев, — правильно писала газета „Голос“, — много по-

могли смуты, начавшиеся в Джетышаре (Кашгарии.— А. Х.) после смерти Якуб-бека»²¹².

В середине июня 1877 г. Беккули-бек двинул 5-тысячное войско на Аксу. Хаким-хан Тюра выступил ему навстречу. В районе Яйды (Джейды), между Маралбаши и Аксу, армия Хаким-хан Тюры была разбита, а сам он бежал в Среднюю Азию. Оставшаяся часть армии сдалась Беккули-беку, который повел ее в сторону Хотана для борьбы против Нияз-бека.

К моменту возобновления наступления маньчжуро-китайских карателей против Восточного Туркестана значительная часть уйгурских войск, расположенных в Карашаре, Курле и Бая, была уничтожена в процессе междоусобной борьбы, другая часть была отведена Беккули-беком в Хотан, и лишь незначительная часть осталась в этих районах совместно с дунганскими вооруженными отрядами Бай Яньху.

В августе 1877 г., отказавшись принять предложение Англии о сохранении Йэйтишара в качестве вассального владения Цинской империи, пекинское правительство отдало приказ Цзо Цзунтану возобновить временно прерванный карательный поход в сторону Кашгара²¹³.

В начале сентября армия Лю Цзиньтана выступила из Токсуна, а армия Чжан И — из Турфана. К концу сентября армия Лю Цзиньтана заняла районы Комыш, Ушактал и Чукур, откуда, разделившись на две колонны, двинулась дальше на запад. Одна колонна во главе с Лю Цзиньтаном направилась в Карашар по северной («большой») дороге, другая во главе с Сюй Хуэнем — в Курлю по южной дороге, идущей от оз. Баграшкуль. 7 октября 1877 г. цинские каратели без боя заняли Карашар, 9 октября — Курлю, ибо повстанческая армия и все жители покинули эти города.

Лю Цзиньтан сразу же послал свою армию в погоню за повстанцами. В Бугуре цинские войска были остановлены дунганскими отрядами Бай Яньху. Здесь произошло кровопролитное сражение. Потерпев поражение, повстанцы отступили в Кучар. В 20 км от Бугура конница Лю Цзиньтана догнала мирных жителей, бежавших из Карашара и Курли. Лю Цзиньтан приказал своим войскам казнить всех имевших при себе оружие, а остальных вернуть к своим хозяйствам. Конный отряд под командованием Лю Цзиньтана «растоптал толпу бежавших мусульман»²¹⁴.

19 октября 1877 г. передовые части армии Лю Цзиньтана подошли к Кучару. Бай Яньху со своим отрядом отступил дальше на запад. Местное уйгурское население, не желая покидать родные земли, организовавшись в отряды, остановило карателей. Несмотря на плохое вооружение, повстанцы оказали героическое сопротивление цинским войскам. В разгар сражения подошла часть армии Лю Цзиньтана, находившаяся под его личным командованием. Силы сторон были слишком неравные.

Цинские части, превосходя повстанцев в несколько раз по численности и вооружению, разбили их и захватили Кучар²¹⁵.

Сильное сопротивление цинским войскам оказали повстанцы г. Бая. В течение нескольких дней каратели безуспешно штурмовали городскую крепость. Лишь пообещав награду руководителям обороны Мухаммед-Тохти и другим, Лю Цзиньтан добился 21 октября сдачи города. 24 октября каратели захватили Аксу, 5-тысячная армия Беккули-бека, оборонявшая город, отступила; 26 октября пал Учтурфан.

25 октября сам Беккули-бек прибыл из Хотана в Яркенд. В это время китайские солдаты, в свое время обращенные Якуб-беком в мусульманство, во главе с Хэ Буюнем ворвались в крепость Янгишар (цитадель г. Кашгара) и заперлись в ней²¹⁶. Это известие произвело тягостное впечатление на всех приближенных Беккули-бека, так как семьи многих из них жили в захваченном китайцами Янгишаре. По настоянию своих приближенных Беккули-бек со своим войском отправился в Кашгар. По пути значительная часть его войск разбежалась. В момент прибытия в Кашгар у Беккули-бека осталось всего около 4—5 тыс. солдат²¹⁷. 24 ноября 1877 г. Беккули-бек прибыл в Кашгар и в течение 20 дней безуспешно штурмовал крепость Янгишар.

Узнав о событиях в Кашгаре, Лю Цзиньтан немедленно отправил туда одну группу войск под командованием Хуан Ваньпэна из Учтурфана мимо становищ киргизов, вторую — под командованием Гуй Сичжэна из Аксу по «большой» дороге через Маралбаши. Лю Цзиньтан во главе оставшейся части своих войск двинулся по «большой» дороге через Маралбаши в Яркенд²¹⁸. 17 декабря 1877 г. первые две группы войск Лю Цзиньтана подступили к Кашгару.

Беккули-бек и Бай Яньху, находившиеся в то время в Кашгаре, не смогли оказать действенного отпора во много раз превосходящим цинским войскам. Оставив небольшой отряд в Кашгаре для задержки карателей, они с остальными войсками отступили на территорию Средней Азии и Казахстана²¹⁹. Отряд Бай Яньху насчитывал около 5 тыс. человек²²⁰. Цинские войска, сломив сопротивление оставшихся в городе отрядов Беккули-бека и Бай Яньху, заняли Кашгар. Одновременно с войсками Беккули-бека и Бай Яньху за границу бежало большое число жителей с семьями, опасаясь истребления со стороны карателей. Беженцы переходили границу через горные проходы в дни жестоких январских морозов 1878 г.²²¹

19 декабря 1877 г., встретив слабое сопротивление местных жителей, китайские войска во главе с Лю Цзиньтаном заняли Яркенд, 22 декабря — Янгигисар, 31 декабря — Хоган. При взятии этих городов в руки Цинов в качестве трофеев попало около 110 пушек различного калибра, более 10 тыс. коней и большое число винтовок²²². Только в Кашгаре каратели конфисковали

имущество участников восстания на сумму 74 980 ляннов серебром²²³.

В Яркенде попали в плен жена, два малолетних сына и три внука Якуб-бека, которые были немедленно казнены Лю Цзиньтаном.

После захвата Яркенда и Хотана войсками Лю Цзиньтана было арестовано около 7450 человек. Из них 1166 человек — участники антиманьчжурских выступлений в Восточном Туркестане — были публично казнены по приказу Лю Цзиньтана, остальные — иностранные торговцы, духовные лица — были высланы за пределы страны²²⁴.

В Кашгаре в первые дни оккупации маньчжуро-китайские войска не проводили репрессий. Лишь реквизировав у населения всех лошадей, каратели начали расправу над участниками антицинского восстания, осуществляя политику Цзо Цзунтана «сянь фу хоу чао» («сначала усмирить, затем наказывать»).

Хотя к концу 1877 г. карательные войска Цзо Цзунтана, захватив Кашгар, Яркенд и Хотан, восстановили господство маньчжуро-китайских феодалов в Восточном Туркестане, антицинская борьба уйгурского народа и других народов Кашгарии продолжалась. Каратели, захватывая города, повсюду разыскивали участников антицинских восстаний, бывших чиновников и военнотружущих при Якуб-беке. Они жесточайшим образом наказывали каждого выявленного ими участника восстания, сожгли выкопанный из могилы труп Якуб-бека, предварительно обезглавив его, до основания разрушили его надгробный памятник²²⁵. Для устрашения населения маньчжуро-китайские власти повесили у ворот крепости Кашгара голову Якуб-бека²²⁶. Многие участники антицинских восстаний, не желая покидать родную землю и в то же время не имея возможности вернуться к своему хозяйству, вынуждены были скрываться в горных районах; где, организовавшись в отряды, продолжали борьбу против завоевателей. К осени 1878 г. к ним присоединились возвратившиеся из эмиграции из Средней Азии выходцы из Восточного Туркестана во главе с Алдашем, Хаким-хан Тюрой, Абдурахманом и Мухаммед-Исламом (сыном Абдурахмана). В течение двух лет повстанцы вели борьбу с цинскими властями в западной части Восточного Туркестана. В ноябре 1879 г. в горном районе Упала, западнее Кашгара, произошло наиболее крупное сражение. Повстанцы были разбиты войсками Цзо Цзунтана. В этом сражении погибло около 2 тыс. повстанцев. В конце 1878 г.— начале 1879 г., понеся большие потери, повстанцы были вынуждены уйти в Среднюю Азию²²⁷.

Таким образом, в течение четырех лет (1875—1879) цинские войска под командованием Цзо Цзунтана вновь завоевали часть Джунгарии и весь Восточный Туркестан, подавив последние очаги антицинских выступлений народов. Захват этих районов Цинами сопровождался чрезвычайной жестокостью, убийством

сотен тысяч участников восстаний, мирных жителей, стариков, женщин и детей. Современный китайский историк Го Индэ писал: «В этот раз война (карательные походы войск Цзо Цзунтана в 1875—1878 гг.—А. Х.) принесла народам [Джунгарии и Восточного Туркестана] настолько большие человеческие жертвы и разорение, что их невозможно перечислить»²²³.

На эти карательные походы цинские завоеватели затратили 26 452 630 лянов серебром, выплата которых легла на плечи трудящихся масс Китая, Джунгарии и Восточного Туркестана.

После вторичного завоевания Джунгарии и Восточного Туркестана в Синьцзяне было восстановлено колониальное господство Цинской империи. Народы этих районов потеряли независимость и снова оказались под двойным гнетом — гнетом маньчжуро-китайских завоевателей и местных феодалов, но не прекращали героического сопротивления чужеземным захватчикам.

¹ Об этом см.: Б. П. Гуревич. Вторжение Цинской империи в Центральную Азию во второй половине XVIII века и политика России.— «История СССР». 1973, № 2; он же. Великоханьский шовинизм и некоторые вопросы истории народов Центральной Азии в XVIII—XIX веках.— «Вопросы истории». 1974, № 9; С. Л. Тихвинский. Великоханьский гегемонизм и публикации на исторические темы в КНР.— «Вопросы истории». 1975, № 11, с. 64—69; Б. П. Гуревич, В. А. Моисеев. Взаимоотношения цинского Китая с Джунгарским ханством в XVII—XVIII вв. и китайская историография.— «Вопросы истории». 1979, № 3.

² Ши Юйсинь. Бо хуанянь чжицао чжэ (Отповедь клеветникам).— «Лиши яньцзю». 1974, № 1, с. 119.

³ Там же.

⁴ Сяо Чжисин. Цунлин шанды Цяньлун цигун бэй (Мемориальная доска Цяньлуна на Памире о военных успехах [его] войск).— «Лиши яньцзю». 1977, № 6, с. 126.

⁵ Там же, с. 126—127.

⁶ Основателем секты черногорцев был Исак Вали, а основателем секты белогорцев — Ишан-и Калян. Оба они были сыновьями известного среднеазиатского мусульманского вероучителя Ходжи Махмуда Азама (?—1542), который, переселившись в Кашгар, стал основателем династии восточнотуркестанских ходжей. Братья разошлись между собой вследствие разногласий в религиозных взглядах, что и явилось первоначальной причиной возникновения двух враждебных сект ходжей. Вскоре эти расхождения превратились в борьбу за экономические и политические позиции в стране между братьями и их последователями. Центром влияния черногорцев был Яркенд, а белогорцев — Кашгар.

⁷ В. В. Бартольд. Сочинения. Т. 8. М., 1973, с. 186.

⁸ Внешняя политика государства Цин в XVII веке. М., 1977, с. 72—94.

⁹ И. Я. Златкин. История Джунгарского ханства (1635—1758). М., 1964, с. 162—323.

¹⁰ С. Л. Тихвинский. История Китая и современность. М., 1976, с. 26.

¹¹ Цит. по: А. С. Мартынов. Статус Тибета в XVII—XVIII вв. М., 1978, с. 66.

¹² Подробно см.: там же; Внешняя политика государства Цин в XVII в.; И. С. Ермаченко. Политика маньчжурской династии Цин в южной и северной Монголии в XVII в. М., 1974.

¹³ Центр Комульской области — город Комул (по-китайски Хами).

¹⁴ Фэн Цзяшэн, Чэн Суло, Му Гуанвэнь. Вэйуэр цзу шиляо цзянь бянъ (Краткий сборник материалов по истории уйгуров). Т. 2. Пекин, 1956, с. 29.

¹⁵ Тархан (даэрхань) — почетный титул у тюркских и монгольских народов. Лицо, получившее этот титул, освобождалось верховной властью от налогов, военной службы и девять раз от наказания за незаконные поступки (История Узбекской ССР. Ташкент, 1974, с. 99).

¹⁶ Фэн Цзяшэн, Чэн Суло, Му Гуанвэнь. Вэйуэр цзу шиляо..., Т. 2, с. 29.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Ч. Ч. Валиханов. Собрание сочинений. Т. 2. Алма-Ата, 1962, с. 303; В. В. Баргольд. Отчет о командировке в Туркестан.— Сочинения. Т. 8. М., 1973, с. 186; Л. И. Думан. Аграрная политика цинского (маньчжурского) правительства в Синьцзяне в конце XVIII века. М.—Л., 1936, с. 77; S. R. Barkley. The History of the Khojas of Eastern Turkistan Summarised from the Tazkira-i-khwajagan of Muhammad Sadig Kashgari.— «Asiatic Society of Bengal». Vol. LXVI, p. 1. Calcutta, 1898, с. 28—67.

²¹ Фэн Цзяшэн, Чэн Суло, Му Гуанвэнь. Вэйуэр цзу шиляо..., с. 29.

²² Имеются в виду потомки джагатайских ханов.

²³ Циньдин пиндин чжуньгээр фанлюэ (Высочайше утвержденное описание завоевания Джунгарии). [Б. м.], 1770. Цит. по: Фэн Цзяшэн, Чэн Суло, Му Гуанвэнь. Вэйуэр цзу шиляо..., с. 29.

²⁴ Там же, с. 30.

²⁵ И. Я. Златкин. История Джунгарского ханства, с. 338.

²⁶ С середины XVII в. до середины XVIII в. в Тибете шла острая политическая борьба между различными группами феодалов, прежде всего между светской и духовной знатью. Во второй половине XVIII в. власть в стране перешла в руки ламаистского духовенства, пользовавшегося покровительством цинского правительства (А. С. Мартынов. Статус Тибета в XVII—XVIII вв., с. 186).

²⁷ Чжунго лиши ганъяо (Очерки истории Китая). Под ред. Шан Юэ. Пекин, 1954, с. 409.

²⁸ Фэн Цзяшэн, Чэн Суло, Му Гуанвэнь. Вэйуэр цзу шиляо..., с. 34.

²⁹ Там же, с. 30.

³⁰ Там же, с. 34.

³¹ Там же, с. 31—34.

³² А. М. Позднеев. Монгольская летопись «Эрдэнийн эрхэ». Подлинный текст с переводом и пояснениями, заключающими в себе материалы для истории Халхи с 1636 по 1736 г. СПб., 1883, с. 32.

³³ И. Я. Златкин. История Джунгарского ханства, с. 349—354.

³⁴ Новая история Китая. М., 1972, с. 38.

³⁵ Фэн Цзяшэн, Чэн Суло, Му Гуанвэнь. Вэйуэр цзу шиляо..., с. 31, 34.

³⁶ Там же.

³⁷ История Монгольской Народной Республики. М., 1967, с. 191.

³⁸ И. Я. Златкин. История Джунгарского ханства, с. 452.

³⁹ Фэн Цзяшэн, Чэн Суло, Му Гуанвэнь. Вэйуэр цзу шиляо..., с. 33.

⁴⁰ Там же, с. 30.

⁴¹ Там же, с. 33.

⁴² И. Я. Златкин. История Джунгарского ханства, с. 377.

⁴³ Подробно см. там же, с. 429—430.

⁴⁴ Там же, с. 431.

⁴⁵ Да Цин Гаоцзун Чуньхуанди шилу (Историческая хроника правления Гаоцзун Чуньхуанди Великой династии Цин). Токио, 1937, цз. 481, л. 4;

Пиндин чжунгээр фанлюэ. Чжэнбянь (Описание истории умиротворения джунгаров. Основное издание). [Б. м.], 1772, цз. 3, л. 5—35.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Н. Я. Бичурин (Иакинф). Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии. СПб., 1829, с. 163.

⁴⁸ Хун Дичэнь. Синьцзян шиди даган (Историко-географические очерки Синьцзяна). Нанкин, 1939, с. 143.

⁴⁹ И. Я. Златкин. История Джунгарского ханства, с. 441.

⁵⁰ Л. И. Думан. Аграрная политика..., с. 70.

⁵¹ Хун Дичэнь. Синьцзян шиди даган, с. 142—143.

⁵² Там же, с. 143.

⁵³ И. Я. Златкин. История Джунгарского ханства, с. 443.

⁵⁴ Хун Дичэнь. Синьцзян шиди даган, с. 143.

⁵⁵ И. Я. Златкин. История Джунгарского ханства, с. 443.

⁵⁶ Хун Дичэнь. Синьцзян шиди даган, с. 143.

⁵⁷ И. Я. Златкин. История Джунгарского ханства, с. 444.

⁵⁸ Хун Дичэнь. Синьцзян шиди даган, с. 143.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ До 1864 г. на основные военно-административные посты в Джунгарии и Восточном Туркестане назначались только маньчжуры.

⁶¹ Хун Дичэнь. Синьцзян шиди даган, с. 143.

⁶² Там же.

⁶³ И. Я. Златкин. История Джунгарского ханства, с. 446—447.

⁶⁴ Хун Дичэнь. Синьцзян шиди даган, с. 143.

⁶⁵ И. Я. Златкин. История Джунгарского ханства, с. 449.

⁶⁶ Хун Дичэнь. Синьцзян шиди даган, с. 144.

⁶⁷ Шан Юэ. Чжунго лиши ганъяо, с. 410.

⁶⁸ И. Я. Златкин. История Джунгарского ханства, с. 462.

⁶⁹ Лю Итан. Чжунго бяньцзян миньцзу ши (История национальностей периферийных районов Китая). Тайбэй, 1969, с. 683.

⁷⁰ Значительная часть китайцев, переселенных в Джунгарию, состояла из ссыльных и каторжников.

⁷¹ Ч. Ч. Валиханов. Собрание сочинений. Т. 2, с. 306—307.

⁷² В работе Ч. Ч. Валиханова и трудах некоторых других русских авторов год смерти Юсуф-ходжи не указан. Но, судя по изложению ими событий в Кашгарии этого времени, он умер на рубеже 1754—1755 гг.

⁷³ Цит. по: Фэн Цзяшэн, Чэн Суло, Му Гуанвэнь. Вэйуэр цзу шиляо..., с. 43.

⁷⁴ Ч. Ч. Валиханов. Собрание сочинений. Т. 2, с. 308—311.

⁷⁵ Фэн Цзяшэн, Чэн Суло, Му Гуанвэнь. Вэйуэр цзу шиляо..., с. 34.

⁷⁶ Вэй Юань. Шэну цзи (Записки священных войн). [Б. м.], 1942, цз. 4, л. 18; Циндин Синьцзян шилуэ (Высочайше утвержденное описание Синьцзяна). [Б. м.], 1821, цз. 3, с. 5.

⁷⁷ Цит. по: Фэн Цзяшэн, Чэн Суло, Му Гуанвэнь. Вэйуэр цзу шиляо..., с. 43.

⁷⁸ Шан Юэ. Чжунго лиши ганъяо, с. 410.

⁷⁹ Фэн Цзяшэн, Чэн Суло, Му Гуанчэнь. Вэйуэр цзу шиляо..., с. 44. Видимо, здесь имеется в виду только численность маньчжуров; Вэй Юань сообщает, что в составе отряда Аминьту были 100 маньчжуров, 200 монголов и 100 восточнотуркестанцев (Шэн у цзи, цз. 4, с. 19).

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Циньдин вайфан мэngu хуйбу ван гун бяочжуань (Биография князей ван и гун монгольских и восточнотуркестанских вассальных владений Китая). [Б. м.], 1779, цз. 116, л. 2.

⁸² Да Цин Гаоцзун Чуньхуанди шилу, цз. 58, л. 9.

⁸³ С момента гибели Джунгарского государства, в вассальной зависимости от которого находилось Яркендское ханство, Цины считали Восточный Туркестан своим владением.

⁸⁴ Пиндин чжунгээр фанлюэ. Чжэньбянь, цз. 49, л. 26.

- ⁸⁵ Пиндин чжунгээр фанлюэ, Сюйбянь (Дополнение), цз. 12, л. 16.
- ⁸⁶ Ци Юньши. Хуанчао фаньбу яолуэ (Сводка основных данных о вассальных владениях великой династии). [Б. м.], 1884, цз. 2, л. 3.
- ⁸⁷ Цин ши гао, бэньцзи (Черновая история династии Цин), цз. 12, л. 3.
- ⁸⁸ И. Я. Бичурин (Иакинф). Описание Джунгарии и Восточного Туркестана в древнейшем и нынешнем состоянии, с. 168.
- ⁸⁹ Л. И. Думан. Аграрная политика..., с. 97.
- ⁹⁰ Цин ши гао, бэньцзи, цз. 12, л. 8.
- ⁹¹ Л. И. Думан. Аграрная политика..., с. 98—99.
- ⁹² Там же.
- ⁹³ Вэй Юань. Шэн у цзи, цз. 4, л. 24.
- ⁹⁴ Тарих-и Бадахшан (История Бадахшана). Фотографическая репродукция рукописного текста, введение, указатели. Подготовил к изданию А. Н. Болдырев. Л., 1959, с. 33а—34а.
- ⁹⁵ Вэй Юань. Шэн у цзи, цз. 4, л. 24.
- ⁹⁶ Т. Г. Абаева. Очерки истории Бадахшана. Ташкент, 1964, с. 109.
- ⁹⁷ Хаджи Мухаммад Хаким-хан, сын Сайид Ма'сум-хана, Мунтахаб аттаварих (Извлечение из летописей). Коканд, 1843, с. 346а (рукопись на перс. яз.).— ИВАН УзССР, Р. № 594.
- ⁹⁸ В. Григорьев. Восточный или Китайский Туркестан. Вып. II, СПб., 1873, с. 438.
- ⁹⁹ Хаджи Мухаммад Хаким-хан... Мунтахаб аттаварих, с. 346б.
- ¹⁰⁰ В. С. Кузнецов. Из истории освободительной борьбы уйгурского народа. Восстание в Уч-турфане (1765 г.).— «Народы Азии и Африки». 1974, № 1, с. 134.
- ¹⁰¹ При императоре Цяньлуне общая численность цинских войск в Джунгарии и Кашгарии составляла 41 627 человек, из них 17 202 находились в Илийском, 2 тыс.— в Тарбагатайском, 15 850 — в Урумчинском округах Джунгарии, 4721 — в Кашгарии (в 8 городах), 1030 — в Турфанском и 824 — в Комульском княжествах (Синьцзян яолуэ (Краткое описание Синьцзяна). Шанхай, 1893, л. 13—20). Вэй Юань сообщает, что только в Джунгарии находилось около 30 тыс. цинских войск, включая гражданскую и военную бюрократию (Вэй Юань. Шэн у цзи. Тайбэй, 1962, цз. 4, л. 13).
- ¹⁰² Фэн Цзяшэн, Чэн Суло, Му Гуанвэнь. Вэйуэр цзу ши-ляо..., с. 99.
- ¹⁰³ Зунун Кадири. Икки бармагим билан (Двумя пальцами).— «Кураш» («Борьба»). Кульджа, 1947, № 12, с. 34.
- ¹⁰⁴ Чэнь Сихао. Синьцзян шиди цзи шэхуэй (История, география и общественный строй Синьцзяна). Нанкин, 1947, с. 12.
- ¹⁰⁵ Яркенд, Кашгар, Аксу и Хотан.
- ¹⁰⁶ Учтурфан, Янгигисар, Кучар и Пичан.
- ¹⁰⁷ Шахяр, Сайрам, Бай, Курла, Югур, Пайзават, Ташбелик, Каракаш и др.— Фэн Цзяшэн, Чэн Суло, Му Гуанвэнь. Вэйуэр цзу ши-ляо..., с. 100—101.
- ¹⁰⁸ Chu Wen-djang. The Moslem Rebellion in North-west China, 1862—1878. The Naque — Paris, 1966, с. 179—180.
- ¹⁰⁹ Фэн Цзяшэн, Чэн Суло, Му Гуанвэнь. Вэйуэр цзу ши-ляо..., с. 101.
- ¹¹⁰ Хун Дичэн. Синьцзян шиди даган, с. 146.
- ¹¹¹ Пичан, Кучар, Аксу и Учтурфан.
- ¹¹² Кашгар, Яркенд, Янгигисар и Хотан.
- ¹¹³ Сюда входили Комул, Турфан, Карашар и др., всего 11 городов.
- ¹¹⁴ Хун Дичэн. Синьцзян шиди даган, с. 146.
- ¹¹⁵ Цит. по: Фэн Цзяшэн, Чэн Суло, Му Гуанвэнь. Вэйуэр цзу ши-ляо..., с. 114.
- ¹¹⁶ Там же, с. 114—115.
- ¹¹⁷ В. С. Кузнецов. Экономическая политика цинского правительства в Синьцзяне. М., 1973, с. 29.
- ¹¹⁸ Синьцзян яньцзю (Изучение Синьцзяна). Тайбэй, 1964, с. 87.
- ¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Очерки истории Китая. Под ред. Шан Юэ. М., 1959, с. 553. В последнем предложении при переводе допущены некоторые неточности. В оригинале автор указывает не только кровавые распри между монголами и китайцами, между монголами и дунганами, но и между китайцами и дунганами (Чжунго лиши ганъяо, с. 413).

¹²¹ Л. И. Думан. Аграрная политика, с. 117—120. Поселения цитунь окончательно были сформированы в 1802 г.

¹²² Там же, с. 124.

¹²³ Там же, с. 215.

¹²⁴ Фэн Цзяшэн, Чэн Суло, Му Гуаньвэнь. Вэйуэр цзу шиляо..., с. 189.

¹²⁵ Синьцзян яньцзю, с. 85.

¹²⁶ Фэн Цзяшэн, Чэн Суло, Му Гуанвэнь. Вэйуэр цзу шиляо..., с. 103, 105.

¹²⁷ Там же, с. 106.

¹²⁸ Там же, с. 106—108.

¹²⁹ Там же, с. 106.

¹³⁰ В. С. Кузнецов. Экономическая политика..., с. 15.

¹³¹ Там же, с. 17.

¹³² Циньдин пиндин Шэнь Гань Синьцзян хуэйфэй фанлюэ (Высочайшее утвержденное описание истории подавления восстания мусульман в провинциях Шэньси, Ганьсу и Синьцзян). Пекин, 1896, цз. 70, л. 2.

¹³³ К. Усманов. Восстание в Кашгаре (1864 г.) — «Труды Московского института востоковедения». Сб. 5. М., 1947, с. 154.

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Цит. по: К. Усманов. Восстание в Кашгаре, с. 154. Данная цитата взята К. Усмановым из рукописи Хаджи Юсуфа, сына Муллы Ашурхалифи, условно названной «Тарих-и Якуб-бек» («История Якуб-бека») и написанной в 1907 г.

¹³⁷ К. Усманов. Восстание в Кашгаре, с. 155.

¹³⁸ Циньдин пиндин..., цз. 76, л. 7.

¹³⁹ А. Н. Куропаткин. Кашгария. СПб., 1879, с. 131.

¹⁴⁰ Кари Курбан Али. Китаб'у тарих джарида-и джадида (Новая история). Казань, 1889, с. 66.

¹⁴¹ Д. И. Тихонов, основываясь на уйгурских источниках, относит начало кучарского восстания к 7 июня 1864 г. (Д. И. Тихонов. Восстание 1864 г. в Восточном Туркестане.— «Советское востоковедение». 1948, № 5, с. 155—172). По данным китайских источников, кучарское восстание началось ночью 4 июня этого же года (Циньдин пиндин..., цз. 68, л. 2).

¹⁴² Циньдин пиндин..., цз. 69, л. 1; Ма Сяоши. Сибэй хуэйцзу гэмин цзяньши (Краткая история революции дунган Северо-Запада [Китая]). Шанхай, 1951, с. 60.

¹⁴³ Давут-халифа (?—1871) был образованным человеком родом из Салара (пров. Ганьсу). В китайских источниках его называют Тодэлинь-ахун или То Минь-ахун, в уйгурских источниках он известен под именем Лоринь-цзя (старейшина), Лориньцзя-халифа или Давут-халифа. В русских источниках он именуется как Лотай или Давут Хазрат Лотай. Давут-халифа приехал в Урумчи в 1862 г. и при содействии Со Хуаньчжана стал имамом одной из дунганских мечетей города.

¹⁴⁴ Циньдин пиндин..., цз. 77, л. 16—17.

¹⁴⁵ А. Н. Куропаткин. Кашгария, с. 131.

¹⁴⁶ Д. А. Исиев. Хотанское восстание.— Третья научная конференция «Общество и государство в Китае». Вып. 1. М., 1972, с. 175—183.

¹⁴⁷ Циньдин пиндин..., цз. 80, л. 20.

¹⁴⁸ Н. Аристов. О войне Якуб-бека с дунганами в 1870 году.— «Туркестанские ведомости». 1872, № 27—28.

¹⁴⁹ Циньдин пиндин..., цз. 77, л. 19.

¹⁵⁰ К. Усманов. Восстание в Кашгаре, с. 155—156.

¹⁵¹ Циньдин пиндин..., цз. 86, л. 15—16.

- ¹⁵² Там же, цз. 84, л. 7, 21—23.
- ¹⁵³ Г. Е. Грумм-Гржимайло. Описание путешествия в Западный Китай. СПб., 1896, с. 5.
- ¹⁵⁴ Хуэйминь ции (Мусульманское восстание). Сборник из серии материалов по новой истории Китая. Сост. Бай Шоу. Т. 4. Шанхай, 1953, с. 330.
- ¹⁵⁵ Циньдин пиндин..., цз. 107, л. 7; Хуэйминь ции. Т. 4, с. 331.
- ¹⁵⁶ В. Ф. Шахматов. Очерки по истории уйгуро-дунганского национально-освободительного движения в XIX в.—«Труды Казахского института национальной культуры». Т. 1. Алма-Ата, 1953, с. 99; Г. Е. Грумм-Гржимайло. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 2. Л., 1926, с. 727.
- ¹⁵⁷ См.: Д. А. Исиев. Национально-освободительная борьба уйгуров (1864—1878). Государство Йэттишар и его внешняя политика. М., 1972 (канд. дис.).
- ¹⁵⁸ Ма Сяоши. Сибэй хуэйцзу гэмин цзяньши (Краткая история революции дунган Северо-Запада [Китая]), Шанхай, 1951, с. 53; Циньдин пиндин..., цз. 298, л. 21; цз. 228, л. 8.
- ¹⁵⁹ Циньдин пиндин..., цз. 246, л. 10—11; см. также: Мулла Муса, сын Мулла Айса Сайрами. Тарих-и Эминие (История, посвященная Амину) написана в 1903 г.—История владетелей Кашгара. Казань, 1905, с. 225. Далее: Тарих-и Эминие.
- ¹⁶⁰ Циньдин пиндин..., цз. 263, л. 6; цз. 253, л. 12.
- ¹⁶¹ Там же, цз. 253, л. 12.
- ¹⁶² Хуэйминь ции. Т. 4, с. 341.
- ¹⁶³ А. Ходжаев. Цинская империя, Джунгария и Восточный Туркестан. М., 1979, с. 88—94.
- ¹⁶⁴ Цзин Лянь (1823—1885), маньчжур, в 1859 г. был назначен на должность Или цаньцзань дачэня (помощника наместника цинского правительства в Джунгарии и Восточном Туркестане) в Илийском округе. В 1861 г. послан в Яркенд, в 1863 г., подав в отставку, он уехал из Яркенда, не дождавшись разрешения цинского двора, за что был отстранен от должности. С 1866 г., занимая различные, более низкие, чем прежде, посты, принимал участие в карательных операциях цинских войск в Джунгарии. С 1873 г. Цзин Лянь руководил этими операциями. В 1874 г. он получил назначение на должность циньцай дачэнь дубань Синьцзян цзюньу (императорский полномочный комиссар по военным делам в Синьцзяне), а в 1875 г. освобожден от должности и вызван в Пекин (Цин ши [История династии Цин]). Т. 6. Тайбэй, 1963, с. 4911—4912; Циньдин пиндин..., цз. 140, л. 19).
- ¹⁶⁵ В 60-е годы XIX в. Цзо Цзунтан принимал активное участие в подавлении восстания тайпинов. В 1866 г. он был назначен цинским правительством на должность наместника Шэньси и Ганьсу. В 1874 г. Цзо Цзунтан во главе хорошо вооруженной армии численностью около 5 тыс. человек вел карательные походы против восстаний няньцзюней и дунган в провинциях Шэньси, Ганьсу и Цинхай.
- ¹⁶⁶ Хуэйминь ции. Т. 4, с. 341; Циньдин пиндин..., цз. 282, л. 12.
- ¹⁶⁷ Тарих-и Эминие, с. 225.
- ¹⁶⁸ А. Ходжаев. Цинская империя..., с. 63.
- ¹⁶⁹ Там же, с. 91—92.
- ¹⁷⁰ Там же, с. 64.
- ¹⁷¹ Цин ши (История династии Цин). Т. 1. Тайбэй, 1971, с. 322; Циньдин пиндин..., цз. 289, л. 8—10.
- ¹⁷² А. Ходжаев. Цинская империя..., с. 65.
- ¹⁷³ [Цзо Цзунтан]. Цзо Вэньсян цюаньцзи (Собрание сочинений Цзо Вэньсяна [Цзо Цзунтана]). Т. 3. Тайбэй, 1968, с. 1849.
- ¹⁷⁴ В 1875 г. Ли Хунчжан (китаец) занимал должность наместника пров. Чжили, а по совместительству сановника по торговле в северных портах. Он отвечал за безопасность морских границ, находившихся под его управлением, и за создание современной армии и морского флота на Севере Китая. Он был главой северной (бэйянской) придворной группировки китаянских сановников.

- 175 По традиции феодального Китая принятие соседним государством китаяйского календаря означало подчинение ему.
- 176 [Ли Хунчжан]. Ли Вэньчжун гун цюаньшу (Собрание сочинений Ли Вэньчжуна [Ли Хунчжана]). [Б. м.], 1905, цз. 24, л. 18—19.
- 177 М. И. Сладковский. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М., 1974, с. 260.
- 178 Хуэйминь цзи. Т. 4, с. 345—346.
- 179 Там же.
- 180 Цин ши. Т. 6, с. 4764.
- 181 M. L. Beles. Tso Tsung-tang. Soldiers and Statesman of Old China. Shanghai, 1937.
- 182 См.: Chu Wen-djang. The Moslem Rebellion in North-west China, 1862—1878. Hague, 1966, с. 169.
- 183 Цин ши. Т. 6, с. 4764.
- 184 [Цзо Цзунтан]. Цзо Вэньсян гун цюаньцзи. Т. 3, с. 1854
- 185 Тарих-и Эминие, с. 228.
- 186 Там же, с. 224, 225.
- 187 Архив внешней политики России (АВПР), ф. Глав. арх. 1—9, оп. 8, д. 7, л. 307.
- 188 Тарих-и Эминие, с. 227.
- 189 Циньдин пиндин..., цз. 298, л. 17—18.
- 190 Цит. по: Очерки истории советских дунган. Фрунзе, 1967, с. 60.
- 191 Циньдин пиндин..., цз. 300, л. 14.
- 192 Тарих-и Эминие, с. 225.
- 193 Л. И. Думан. Баньху — вождь дунганского восстания 1862—1877. М., 1936, с. 38.
- 194 Там же.
- 195 Циньдин пиндин..., цз. 302, л. 7. [Цзо Цзунтан]. Цзо Вэньсян гун цюаньцзи. Т. 3, с. 1969—1970.
- 196 Ван Динъянь. Сянцзюнь цзи (Записки о хунаньской армии). Нанкин, 1898, цз. 19, л. 16; Тарих-и Эминие, с. 227.
- 197 А. Н. Куропаткин. Кашгария, с. 211.
- 198 Тарих-и Эминие, с. 227.
- 199 Циньдин пиндин..., цз. 333, л. 15—21.
- 200 Там же, цз. 303, л. 5—9; Ван Динъянь. Сянцзюнь цзи, цз. 19, л. 17; Хуэйминь цзи. Т. 4, с. 361.
- 201 Тарих-и Эминие, с. 227.
- 202 Immanuel C. Y. Hsu. The Ili Crisis. A study of Sino-Russian diplomacy. Oxford, 1965, с. 42.
- 203 [Цзо Цзунтан]. Цзо Вэньсян гун цюаньцзи. Т. 3, с. 2035—2036; Да Цин Дэцзун цзинхуанди шилу (Хроника правления императора Дэцзуна великой династии Цин). Токио, 1937, цз. 58.
- 204 Нияз-бек (Ниях-хаким-бек) с детства служил у цинских чиновников в г. Яркенде, где после восстания 1854 г. перешел на сторону повстанцев. В том же году при взятии Яркенда кучарцами он оказал услугу кучарским ходжам. В 1866 г., когда Якуб-бек вел войну против кучарских ходжей, Нияз-бек, помогая ему, вошел к нему в доверие и был назначен хакимом (правителем) г. Хотана. С тех пор он стал известен под именем Нияз-хаким-бек. Кроме того, при Якуб-беке Нияз-бек заведовал его финансовыми делами.
- 205 Хуэйминь цзи. Т. 3, с. 44, 209; Да Цин Дэцзун Цзинхуанди шилу, цз. 55, л. 12—13 и др.
- 206 Тарих-и Эминие, с. 262—263.
- 207 Там же, с. 229.
- 208 Там же, с. 228.
- 209 Н. И. Веселовский. Бадаulet Якуб-бек аталык кашгарский. — «Записки археологического общества». Т. XI, вып. I—IV. СПб., 1898, с. 102.
- 210 Тарих-и Эминие, с. 266—267.
- 211 Цин ши. Т. 6, с. 4764.
- 212 «Голос», 1878, № 13.
- 213 Хуэйминь цзи. Т. 4, с. 368.

- ²¹⁴ В а н Д и н ъ а н ь. Сянцзюнь цзи, цз. 19, л. 22.
- ²¹⁵ Циньдин пиндин..., цз. 304, л. 7—10.
- ²¹⁶ А. Н. Куропаткин. Кашгария, с. 214; Тарих-и Эминие, с. 255;
- Циньдин пиндин..., цз. 307, л. 5.
- ²¹⁷ Циньдин пиндин..., цз. 307, л. 5.
- ²¹⁸ Хуэйминь ции. Т. 4, л. 372; В а н Д и н ъ а н ь. Сянцзюнь цзи, цз. 19,
- л. 25.
- ²¹⁹ [Цзо Цзунтан]. Цзо Вэньсян гун цюаньцзи, с. 2079—2081.
- ²²⁰ Международные отношения на Дальнем Востоке. Т. 1. М., 1973, с. 141.
- ²²¹ Там же; А. Н. Куропаткин. Кашгария, с. 215.
- ²²² [Цзо Цзунтан]. Цзо Вэньсян гун цюаньцзи, с. 2082.
- ²²³ Циньдин пиндин..., цз. 309, л. 14.
- ²²⁴ Хуэйминь ции. Т. 4, с. 374; [Цзо Цзунтан]. Цзо Вэньсян гун
- цюаньцзи, с. 2082.
- ²²⁵ Н. Веселовский. Бадаулет Якуб-бек аталык кашгарский, с. 103.
- ²²⁶ Тарих-и Эминие, с. 298.
- ²²⁷ Хуэйминь ции. Т. 4, с. 376—380.
- ²²⁸ Го Индэ. Вэй у эр шилуэ (Краткая история уйгуров). Шанхай,
- 1952, с. 49.

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
3	3 сн.	ученых	и зарубежных ученых
67	1 сн.	центральной	Центральной Азии
68	12 св.	Киргизный	Киргизных
73	16 сн.	двор	Китай
132	17 св.	русские	Русское
172	5 св.	1804 г.	1864 г.
179	2—3 сн.	9 октября	9 ноября
269	15 сн.	с далай-ламой	с панчен-ламой
380	19 св.	1899 г.	1889 г.

Зак. 92